САМАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА
ЧЁРНЫЙ
НОВЫЙ ГОД

Александр Александрович Матюхин
Надежда Гамильнот
Дмитрий Александрович Тихонов
Оксана Ветловская
Дмитрий Золов
Максим Ахмадович Кабир
Александр Дедов
Юрий Александрович Погуляй
Владимир Чубуков
М. С. Парфенов
Александр Подольский
Михаил Павлов
Сергей Королёв
Олег Игоревич Кожин

Черный Новый год

Серия «Самая страшная книга»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66549394
Черный Новый год: Издательство АСТ; М.; 2021
ISBN 978-5-17-139480-6

Аннотация

Новый год – волшебный праздник, но чудеса и магия не всегда бывают добрыми.

Что получится, если на самый большой, самый главный, самый светлый праздник в году обратят свой взор авторы ужасов и мистики?

Получится антология «Черный Новый год»! Это книга, которая заставит вас взглянуть на Новый год совсем другими глазами. Это истории, после которых ваше новогоднее настроение уже никогда не станет прежним. Черный Новый год наступает. Бьют в набат адские куранты. Время распаковывать подарки.

Будет необычно. Будет весело. Будет страшно. Вперед же, смелее!..

Только не забывайте: «Если долго вглядываться в Деда Мороза, Дед Мороз начнет вглядываться в тебя»…

Содержание

Старый Новый год 6
Александр Подольский. Мешок без подарков 7
Дмитрий Тихонов. Ряженый 21
Парфенов М. С. Подарок 37
Новый Новый год 48
Максим Кабир. Предновогодние хлопоты 49
Дмитрий Золов. Поджелудочная 79
Сергей Королев. Темный мрачный бес моей души 96
Конец ознакомительного фрагмента. 129

Сборник
Черный Новый год

© Авторы, текст, 2021
© Парфенов М. С., Олег Кожин, составление, 2021
© Валерий Петелин, обложка, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Старый Новый год

В этой части, милый друг, мы собрали для тебя несколько уже не совсем новых, но премилых историй, опубликованных в тех или иных наших книгах в прошлые годы.

Пусть эти истории послужат затравкой, закуской перед основным блюдом.

Считай их лишь присказкой, а по-настоящему волшебные сказки ждут тебя впереди!

Александр Подольский.
Мешок без подарков

Если долго вглядываться в Деда Мороза, Дед Мороз начнет вглядываться в тебя. У Ницше было чуть-чуть по-другому, но ему не доводилось оказаться в Великом Устюге перед самым Новым годом. Город наводняли седовласые бородачи всех мастей и возрастов, однако такого подозрительного за свою недолгую карьеру Снегурочки Кира еще не видела. Маленький и сморщенный, точно соленый огурец, в дырявой шубе наизнанку, вместо шапки – серебристый колтун, перетекающий в бороду из сомнительного реквизита. Страшилище росло из сугроба у обочины, а на вылепленном из грязного снега лице сверкали отблески лунного света. Даже в темноте чудилось, что невидимые глазки наблюдают за ползущими по дороге санями. Словно в ледяную корку был замурован бродяга, который вот-вот поднимет руку и попросит подвезти.

Санями управлял Марк, самый странный Дед Мороз из

тех, что доставались Кире в напарники. Энергичный и веселый во время выступлений, любимец детей и лучший друг родителей, за порогом он превращался в угрюмого молчуна. Сгорбленный на своем сиденье, Марк больше походил на Харона в лодке с мертвецами, чем на волшебного старичка с полными санями подарков.

– Мне так-то за хорошее настроение не доплачивают, – жаловался он с утра, едва не подпалив накладную бороду сигаретой, – поэтому и веселюсь я в строго оговоренное время, после предоплаты.

Вот и сейчас он был отключен от внешнего мира. Гнал вперед болезного вида кобылу и мотал головой под звон многочисленных колокольчиков. Идея с санями и лошадью принадлежала начальству. Клиенты довольны, в городе встречают целыми дворами, заказов полно, значит, и цену поднять не грех. А что кому-то в этой повозке мерзнуть весь день, так это дело житейское, бывает. Зато платили очень прилично, особенно по меркам студентки великоустюжского меда, которая только начинала самостоятельную жизнь.

Кира куталась в пледы и всматривалась в огоньки впереди. Новогодняя ночь выдалась безоблачной, спокойной. В ногах, как любимый кот, урчал переносной генератор, раскрашивая повозку во все цвета электрической радуги. Свет редких фонарей вдоль трассы выедал в темноте оранжевые треугольники, точно куличики из песка. За спиной в городе громыхали первые фейерверки. Машин практически не бы-

ло.

Они проехали взятый в плен шеренгами елок участок дороги и миновали деревню Журавлево. Прямо по курсу лежал последний пункт назначения – Коробейниково. Последний, но самый важный, потому что этот визит Кира оплатила из своего кармана.

– Как мальчишку зовут? – спросил Марк.

– Коля. Ты только по стишкам его не гоняй долго, не любит он их. И не пей с отцом, а то тому лишь бы повод.

Марк хмыкнул.

– С тем не пей, с этим… Так и околеть недолго.

– Успеешь еще, десятый час только, – сказала Кира, проверяя мобильник. В общаге все сейчас провожали год шампанским, а ее от одного вида застолий выворачивало. За неделю насмотрелась на годы вперед.

– Ну-ну, – пробурчал Марк, и сани покатили к деревне.

Их встретили на улице большой компанией, но предложить Деду Морозу рюмку никто не догадался. Марк распрямил горб, расправил плечи и фирменным басом принялся расписывать свои приключения на пути сюда. Кира с улыбкой смотрела на довольного Кольку. Он носился по снегу, запрыгивал в сани, пытался читать стихи, прятался за взрослых, а потом выныривал в маске медвежонка, на которого и впрямь был похож в своей лохматой шубе, ушанке и рукавицах.

– Вот это Топтыгин! – воскликнул Дед Мороз. – Ну и его-

за!

– А как зовут вашу лошадь? – поинтересовался Колька, мастер нескончаемых вопросов на любую тему. – А почему она одна? Должно же быть три!

Марк на секунду завис, а потом вспомнил про мешок.

– Давай-ка мы лучше посмотрим на подарочки!

Только пара цветастых коробок смогла угомонить Кольку, который собирался кормить лошадь конфетами. Пока брат раздирал упаковку прямо в санях и под чутким наблюдением Марка изучал игрушки, отец бубнил Кире на ухо. Рассказывал, как ходил за елкой и как сильно-сильно соскучился по своей доченьке любимой, Снегурочке-красавице. Хвастался другом, который в очередной раз обещал устроить на работу. Но Кире было неинтересно слушать заплетающийся язык, неинтересно смотреть на залитых по самые веки папиных гостей. Интересовал ее только снеговик у соседнего дома, схоронившийся в тени крыльца. Снеговик, сделанный под Деда Мороза. Шуба наизнанку, борода, грязный снег вместо лица – все то же самое, только у этого был посох в виде громадной сосульки.

– Ну, а чего губы надула-то? Чего такого-то? – говорил отец, по-своему расценив молчание Киры. – Ну, посидели. Ну, выпили, да, выпили. Так ведь праздник, все как полагается. Что ж нам, плакать тут, что ли?

– Мама и в Новый год в больнице дежурит, – с трудом сдерживаясь, произнесла Кира, – а ты тут чего устроил?

Дружки отца помалкивали, запихнув руки в карманы и переминаясь с ноги на ногу. Эта компания черных истуканов напоминала Кире колядующих времен язычества, которые изображали духов. Вместо масок – проспиртованные пластиковые лица, вместо «деда», самого страшного и молчаливого духа, жуткий «снегомороз» с ледяным посохом. Оставалось вывернуть тулупы и пойти колядовать по деревне.

– Мама твоя, знаешь, мама – она еще ого-го как со своими там отметит, нам всем и не снилось. Вспомнила маму, ишь. Вспомни еще, где и с кем она там в городе ночует, пока мы с Колькой тут вдвоем, сами по себе.

Колька вовсю хозяйничал в санях. Дергал за поводья, гремел колокольчиками и пытался раздобыть еще подарков. Кира хотела подойти к снеговику поближе, рассмотреть это странное чучело, но отец взял ее под руку и зашептал, точно заговорщик:

– Кир, понимаешь, ну… тут ведь случай какой. Возьмите Кольку на часок, а? Покатайте там, туда-обратно, красота ведь кругом какая. Зима, чудеса. Тепло ж на улице, а Кольке как раз нужно шубу новую выгуливать. Мне сходить там надо, ну, по делу одному.

– К Кате этой, что ли? Или как там ее? Может, вам еще и постелить в моей комнате?

Отец поморщился и опустил голову, разглядывая следы на снегу. Нервно пожал плечами, как виноватый школьник. Он был жалок и сам это понимал.

– Зря ты так, я ж ведь…

Казалось, холод чуточку прояснил сознание, прочистил мозги, но вернувшаяся на лицо ухмылка разрушила иллюзию.

– А, ладно. Колька! – крикнул он, повернувшись к саням. – Поедешь с Дед Морозом кататься, а? Салюты в городе смотреть поедешь? С лошадкой на санках!

После такой подлянки загнать ребенка домой не было ни единого шанса.

Их ждали на пересечении Гледенской и Песчаной улиц, километрах в пяти от деревни. Марк, отключивший режим доброго Деда Мороза, просто взбесился, узнав о новом пассажире. Видимо решил, что обратно везти Колю именно ему, и второй ходки не избежать.

– А ваша шуба теплей, чем моя?

Марк убедительно прикидывался глухонемым, но Колька не сдавался.

– А вы когда-нибудь залезали в дом через трубу?

Кира усмехнулась, похлопала Марка по плечу, но тот наотрез отказывался развлекать ребенка.

– А из чего делают бороду Деду Морозу?

– Коля, видишь, дедушка устал, старенький он, так что лучше к нему не приставай, – сказала Кира, заворачивая брата в плед.

– Да я знаю, что он ненастоящий Дед Мороз. И даже не дедушка никакой.

– Господь всемогущий, – притворно изумился Марк, на развилке уводя сани вправо, – нас раскрыли!

Колька захохотал, и ребяческий голос эхом зашагал по пустынной дороге.

Греться под пледом оказалось слишком скучно. Кольке не сиделось на месте, он вылавливал крупные снежинки, теребил светоотражатели и лампочки, криком «ура!» встречал любой распускающийся в небе цветок фейерверка и привычно сыпал вопросами. С какой скоростью едут санки? Сколько осталось до Нового года? Когда приедет мама? Почему второй Дед Мороз такой маленький?

И тут Кира увидела его сама. Это был не снеговик. Знакомый коротышка стоял посреди дороги, выглядывал из шубы-кокона, а с его лица сыпались льдинки, точно лоскуты мертвой кожи. Оттаявшая борода походила на собачью шкуру, в черном провале пасти кривым частоколом наползали друг на друга челюсти.

– Привет, Дед Мороз! – закричал Колька.

Старик повернул голову к мальчишке, вдохнул и со свистом выпустил воздух. Лошадь заржала и дернулась вперед. Чертыхнулся Марк. Ледяной вихрь ударил в сани, окутывая их серым крошевом. Кира повалилась на пол и прикрыла собой Кольку. В спину вонзились холодные колючки, мороз сдавил кости. Стало нечем дышать.

– Пошла! Пошла! – орал Марк в молочном тумане.

В небе вспыхнул огненный шар и развалился на тысячи

искорок. Вторая волна фейерверков смела с неба темноту, и облако снежинок над санями рухнуло в дорожную кашу. Все затихло.

– Вот это круто! – рассмеялся сквозь кашель Колька.

Кира высунула голову и посмотрела назад. Старик зарывался в снег у деревьев, утаскивая с собой здоровенную палку, похожую на замороженный сталактит. Чертов посох…

– Кир, а это ж он был, да? Ну, Злой Мороз? Помнишь, ты рассказывала? Если я буду плохо себя вести, придет вот он, страшный такой. Бог язычный.

Кира помнила. Дернул ее черт попугать любопытного братишку, хотя кто в Устюге не знает историю Деда Мороза? Вот она и рассказала о не самой популярной его личине.

– Не говори глупостей, я же шутила.

– Значит, детей он не ворует? – с недоверием спросил Колька.

– Никого он не ворует, успокойся. Просто дедушка много выпил, вот и все.

– Как наш папа?

– Нет, наш папа гораздо лучше. Ого, смотри, какой салют!

До города оставалось совсем чуть-чуть. Дорога тянулась сквозь лесной коридор, который сторожили заснеженные ели-великаны. В обычные дни машин тут хватало, но не сейчас. Марк дозвонился до начальства, и теперь их должны были встретить еще раньше – у поворота на железнодорожный вокзал. Черноту неба все чаще прорывали разноцвет-

ные вспышки, лошадь перестала дергаться, а чокнутый старик сгинул в сугробе за спиной. Больше никаких причин для волнений не было. Кира попыталась улыбнуться брату, но лицо все еще не отошло от прикосновения мороза. Деда Мороза… Прежде чем согласиться на подработку Снегурочкой, Кира перелопатила кучу сайтов в поисках информации о новогодних традициях и героях. Она решила изучить образ Деда Мороза поглубже, раз уж собралась стать его помощницей. Тогда-то и выяснилось кое-что интересное. Добряком Дед Мороз был далеко не всегда. В стародавние времена его считали жестоким языческим богом, сыном Мары-смерти. Он собирал человеческие жертвоприношения и замораживал не только леса с реками. Повелевая пургой, губил урожаи, убивал животных и даже людей. Неспроста ведь в поэме Некрасова «Мороз, Красный нос» встреча с Морозом-воеводой для героини закончилась плачевно. В памяти всплыли строчки оттуда, после которых Колька отказался заучивать даже отрывок:

Люблю я в глубоких могилах
Покойников в иней рядить,
И кровь вымораживать в жилах,
И мозг в голове леденить.

Тепло ли тебе, девица?.. Кира поежилась и вдруг поняла, что стало холоднее. Заметно холоднее. А еще, что они сбрасывают скорость.

– Ну, пошла!

Лошадь стала спотыкаться, скользить. Кира опустила взгляд на дорогу и увидела лишь лед. Гладкую зеркальную поверхность, по которой ползли черные трещины.

– Дед Мороз! – заголосил Колька, тыча пальцем в темноту позади. – Он посохом землю ковыряет!

Из земли выросли прозрачные, как колодезная вода, сосульки. Взметнулись вверх, подцепив лошадь, точно вилами, и разошлись в стороны. Сани опрокинулись на бок, заорал среди кусков разорванной туши Марк. Налетевший ветер принес с собой запах гнилой картошки и ядовитый хохот.

Кира тащила за собой брата, который больше не веселился и не задавал вопросов. Он бесшумно плакал. Бежать было невозможно – лед пожирал дорогу, растекался до самого леса, лунками проваливался под ногами. Небо затянуло снежным маревом, и взрывы фейерверков больше не освещали округу. Волоча по земле посох, следом шел Дед Мороз.

Колька споткнулся, когда с ними поравнялся Марк. На лице мальчишки причудливым узором замерзла лошадиная кровь, а в глазах застыли слезы.

– А… ты… говорила… – всхлипывая на каждом слове, задыхался Колька, – что… шутишь…

– Коленька, родной мой, мы почти дошли уже. Давай, нужно вставать.

Пытаясь поднять брата, Кира увидела, что ноги его вмерзли в землю. Вокруг старых сапожек сомкнулись ледяные кан-

далы.

– Поймал меня…

Темная фигура за его спиной приблизилась и вытащила из-под шубы мешок.

– Марк, помоги!

Дед Мороз отбросил Киру назад и оскалился. Ловко сгреб Кольку в мешок, закинул его на плечо и шагнул к сугробу. Воткнул посох в снег, и из ледяной земли поднялся колодец.

– Нет! Стой! – крикнула Кира.

Дед Мороз перехватил мешок двумя руками и прыгнул. Кира бросилась к колодцу, но было слишком поздно. Кольцо из черных камней затянулось ледяной коркой и провалилось в подземное царство.

Когда зеркальную дорогу облизал свет фар, Кира копала. С неба тихонько спускались снежинки, а она вспоминала всякую ерунду. Как однажды Колька вылетел с крыльца встречать ее в день рождения, споткнулся и в праздничной одежке плюхнулся в лужу, окатив заодно и сестру. Или как почистил зубы папиным кремом для бритья, а потом всю неделю клянчил газировку, чтобы перебить гадкий вкус.

Захлопали дверцы машины. Зазвучали голоса.

– Он слишком, слишком рано появился. А я пытался, говорил ей, что нельзя мальчишку брать, но кто ж знал…

Это Марк. Самый странный Дед Мороз в их фирме. Вредный и ворчливый.

– Ох, жалко пацана… Но мало его. Не закроется колодец,

не-а. На чуть-чуть только. Посох-то остался. М-да…

А это Семенов, дядька из руководства. Все его «м-да» и «охи» Кира запомнила еще на собеседовании. Хотя голоса ее больше не волновали. Нужно было разрывать снежную яму. Потому что внизу был Коля. Кира пыталась вытащить посох из земли, но от одного прикосновения варежки промерзли насквозь. Дальше она копала голыми руками.

– Все по плану, спокойно. Дорогу уже перегородили на всякий случай. Давно он в нашем районе не вылезал.

А это говорил кто-то чужой, с уверенным и спокойным голосом оператора службы техподдержки. «Здравствуйте, меня зовут Имярек, все разговоры записываются, чем я могу вам помочь? Какой-какой языческий бог?»

– Давайте скорее.

Когда ее схватили под руки, Кира завизжала. Ей нельзя было отрываться, плевать на сломанные ногти и окоченевшие пальцы. Под снегом был колодец, не мог он просто так исчезнуть. Киру оттащили к дереву, и огромные рукавицы с вышивкой в форме снежинки принялись обматывать ее веревкой.

Вокруг стояли Деды Морозы. Красные шубы, лица под масками из ватных бород, усталые глаза в свете фар. За спиной, в том месте, где исчез колодец, захрустел снег. Послышалось ворчание. Деды Морозы переодели шубы, вывернув их наизнанку, и отошли к дороге. У Имярека зажужжал телефон.

– База? Слышно меня? – прошептал он. – Шоссе Р157 Урень-Шарья-Котлас, околовокзальный участок. В этом году у нас проснулся, да. Остальным трубите отбой.

Лицо обдало студеным воздухом и запахом падали. В позвоночник кольнул холод. Из конечностей ушла чувствительность, снег запорошил глаза. Кира замерла, не в силах повернуть голову к фольклорной байке, Великому старцу Севера. Она видела лишь троицу Дедов Морозов, чьи бороды в болезненном свете автомобильных огней напоминали черепа. Черепа смотрели не на ее парализованное тело, а немного в сторону. На того, кто обнюхивал новую Снегурочку, копался в белокурой косе, скрипел зубами. На старичка, без чьего присутствия не обходился ни один Новый год.

– Иначе нельзя, – сказал Имярек, переведя взор на Киру. – Прости.

Веревки ослабли, и Кира грохнулась вниз, словно огородное пугало, срезанное с крестовины. Она больше не чувствовала холода, не чувствовала страха. Она не чувствовала ничего. У нее остался только перевернутый кусочек дороги в немигающих глазах.

– Иначе нельзя, – повторил Имярек и исчез в машине. За ним последовали остальные. Заурчал мотор, и их не стало.

Зашелестела по насту мешковина. Киру взяли за волосы и потянули. Дед Мороз погладил ее по лицу, и все заволокло темнотой.

В мешке пахло сыростью и Колькиным шампунем для на-

стоящих супергероев.

Дмитрий Тихонов. Ряженый

– Христос рождается! Славите!

Ледяной ветер обжигает щеки, бросает в лицо колючую снежную крупу, уносит дыхание, вырывающееся изо рта белым паром. Снег звонко хрустит под торопливыми шагами, и от этого хруста кажется, будто следом, совсем рядом, идет еще кто-то, большой и тяжелый.

– Христос на земле – встречайте!

Серебряный, морозный лунный свет залил все вокруг, вычертив на снегу четкие тени – такие же иссиня-черные, как бездонная пропасть неба вверху. Снег и небо, свет и тьма, а между ними только деревня, да смех, доносящийся из-за домов, да звучная, плавная песня.

– Христос с небес – возноситеся!

Глеб спешил. Просторный и светлый, но уже покосившийся от времени дом, в котором его отец, сельский учитель, жил вместе со всей своей немногочисленной семьей, стоял на самом отшибе, рядом с ветхой школой. Чтобы оттуда до-

браться до околицы, где сегодня начались святочные гулянья, ему даже летом потребовалось бы немало времени. А уж теперь и подавно: закутанный в тулупчик, доставшийся от старшего брата, в валенках не по ноге, в свалявшемся отцовском треухе, неуклюже вышагивал он по главной деревенской улице, потея и тяжело отдуваясь.

Голоса становились все громче, отчетливее. Впереди показалась вереница огоньков – это уже шли по деревне колядовщики, от дома к дому, от крыльца к крыльцу. Где-то среди них был и брат, нарушивший вчерашнее обещание взять его с собой. Глеб скрипнул зубами от досады и побежал. Валенки терли ноги, треух то и дело съезжал на глаза, по спине лился пот, но он бежал, потому что хотел быть среди этой веселящейся толпы, хотел смеяться и петь вместе с ними, славить и колядовать. Хотел увидеть ряженых.

Процессию, как полагалось, возглавлял мехоноша. Глеб узнал его, это был Никита, сын кузнеца и лучший друг брата. Высокий, плечистый, он закинул за спину огромный холщовый мешок, пока еще наполненный едва ли на четверть. Следом за ним шли парни и девушки, несшие фонари в виде берестяных домиков со свечами внутри и бумажные звезды на высоких шестах. Когда Глеб наконец подбежал к ним, они как раз поднимались на очередное крыльцо.

Чуть позади колядовщиков двигались ряженые. У них не было фонарей, и здесь, между светом и тьмой, они выглядели сумрачно и жутко. Массивные, бесформенные силуэты с

бледными уродливыми мордами, в которых было совсем мало человеческого. У Глеба захватило дух. Он вдруг вспомнил, как два года назад бабушка рассказывала им с братом о том, что во времена ее молодости ряженые изображали вернувшихся из-за гроба мертвецов, которые стремились к своим родным в канун Рождества. Глебу тогда было всего семь, и он мало что понял, но сейчас готов был поверить, что перед ним не живые люди, а выходцы с того света. Бабушка умерла еще весной, и, может, она тоже стояла среди них.

Но вот кто-то в толпе ряженых, несмотря на мороз, пробежал по струнам балалайки, кто-то – в мохнатой медвежьей маске – звонко и гулко ударил в бубен, и наваждение исчезло, пропало без следа. Нет и не было никаких покойников, лишь веселые гуляки в вывернутых мехом наружу тулупах и с закрытыми лицами. Остановившись, тяжело дыша, во все глаза смотрел Глеб на маски: тут и козел, и медведь, и волк, и свинья, и черт. Некоторые мужики, не мудрствуя лукаво, повязали на головы бабьи платки или просто вымазали щеки сажей, некоторые нацепили берестяные личины с нарисованными на них смешными рожами. Никого не узнать.

Хотя нет, вон у одного из-под бараньей морды свисает густая сивая борода. Это наверняка дед Семен, первейший деревенский балагур. А вон тот, с большим бумажным клювом на носу, похож на пастуха Ваську. Глеб наконец-то отдышался и успокоился. Все-таки он успел на самую веселую часть праздника.

Мехоноша Никита тем временем громко постучал в дверь, закричал низким, раскатистым басом:

– Эй, хозяева!

Его спутники и спутницы грянули дружным хором:

– А мы к вам пришли! Поклон принесли!

Дверь открылась, выглянул хозяин – коренастый, лысый, в вязаной телогрейке. Густая борода не могла скрыть широкую довольную улыбку.

– Чего расшумелись? – притворно рассердился он. – А ну ступайте прочь!

– Коль не дашь пирога – ни кола ни двора! – ответили колядовщики.

Начался неспешный, обстоятельный шутовской торг по заведенному испокон веков обычаю. Гости угрожали, умоляли, льстили, а хозяин отнекивался и бранился, но мало-помалу уступал. Глеб знал, что в конце концов он вынесет и пирога, и других сластей, а к полночи, когда процессия обойдет всю деревню, мешок будет набит угощениями до самого верха. Тогда уж начнется пир горой.

Ряженые тоже не скучали без дела. Двое из них, петух и свинья, сошлись посреди улицы в потешном поединке под размеренное позвякивание бубна, бренчание балалайки и одобрительные выкрики товарищей. Петух вертел головой, хлопал себя руками по бедрам, а свинья уморительно хрюкала. Вот они сшиблись, свинье удалось подмять противника под себя, но тот, изловчившись, тюкнул ее клювом в самое

темя. Взвизгнув, свинья отпрянула, и петух тут же налетел на нее, пронзительно крича победное «ку-ка-ре-ку». Все вокруг сгибались пополам от хохота.

Неожиданно сзади раздалось:

– Эй, Глебка!

Глеб обернулся и тут же получил по лицу жестким снежком. Мимо промчался Афонька, его одногодок, главный заводила среди всех деревенских детей. Смеясь, он крикнул:

– Рот не разевай! – и скрылся в толпе.

Отплевываясь, Глеб бросился вслед, на ходу выдернув из сугроба пригоршню снега. Обидчику предстояло поплатиться.

Шло время, неумолимо исчезая в пустоте, и стрелки на часах ползли своей обычной дорогой. Но для тех, кто пел и плясал на улице, эта волшебная ночь растянулась надолго, и казалось, не будет ей ни конца ни края – только вечный, бесшабашный праздник, полный уютного счастья, слегка захмелевший от свежесваренной браги.

Колядовщики стучались в каждую дверь, везде неизменно получая гостинцы. Мешок на плече у Никиты заметно раздулся, и вздыхал мехоноша тяжело, устало. Но улыбка не сползала с его довольного лица. Такая уж это была ночь.

Ряженые пели частушки и колядки, ревели звериными голосами, мутузили друг друга и разыгрывали смешные сцены. Носилась вокруг мелюзга, перебрасываясь снежками. Глеб, не обращая внимания на остальных мальчишек, преследовал

Афоньку. Тот оказался чересчур ловок и постоянно уворачивался от его снежков, дразнясь и обзываясь. Первоначальная обида на него прошла, остался лишь азарт, горячий азарт настоящего охотника. Вот она, дичь – высовывает розовый язык, поскальзывается на бегу. Сейчас, сейчас!

Опять не попал!

Снежок пролетел чуть-чуть мимо цели. А Афонька, вконец расшалившись, кинулся к безоружному Глебу и, сорвав с его головы треух, побежал прочь.

– Эге! – гневно закричал Глеб. – Отдай!

Не тут-то было. Торжествующе потрясая трофейной шапкой, обидчик скрылся за углом ближайшего забора. Вот ведь гадина! Глеб чувствовал, как на глаза наворачиваются слезы. Отпуская на гулянье, мама строго-настрого велела ему не снимать треух. Особенно после бега, как бы жарко в нем ни было. И вот. А если он так и не получит его обратно? Предрождественский мороз уже высушивал капельки пота на висках, пока это еще приятно, но ничего хорошего ждать, понятное дело, не приходилось.

Ни один из гуляк не обратил внимания на его беду. Колядовщики как раз подошли к дому старосты, и никому вокруг не было дела до девятилетнего мальчика, потерявшего свою шапку. Проглотив слезы, Глеб двинулся по афонькиным следам.

Повернув за угол, оказался он в узком проходе меж двух дворов. Проход этот вел к старому колодцу, за которым на-

чиналось поле. Летом они любили прятаться около него, очень уж удобное и неприметное было место. Колодец давно пересох, а площадка вокруг заросла малиной и жимолостью. Пока прячешься, можно ягод наесться до отвала. Сейчас же здесь все было покрыто толстым белым одеялом, и на нем отчетливо отпечатались следы афонькиных валенок. Они уходили вперед, скрываясь в темноте.

– Афо-о-онь! – крикнул Глеб. – Хватит! Верни шапку!

Тишина. Мороз больно щипал уши. Подняв повыше воротник тулупа, Глеб пошел по проходу. Над покосившимися заборами с обеих сторон нависали черные ветви, голоса и музыка позади теперь звучали глухо, будто доносились издалека, но он все равно разбирал слова колядки.

– Коляда, коляда! Ты подай пирога!

Заборы закончились, и впереди показался занесенный снегом сруб колодца. Следы огибали его. В свежем смерзшемся воздухе вдруг почудился какой-то странный запах, сладковатый, но неприятный. Идти дальше совсем расхотелось.

– Или хлеба ломтину, или денег полтину!

Еще звуки. Странный хруст, возня и будто бы тяжелое, с присвистом дыхание. И еще что-то. Песня мешала, колядовщики слишком старательно уговаривали старосту.

– Или куру с петушком! Или браги с калачом!

Обогнув колодец, Глеб чуть не наступил на свою шапку. Рядом с ней валялась серая варежка. Подобрав их, он поднял

голову, и увидел.

– Отворяйте сундучки, доставайте пятачки!

Чуть в стороне, между кустов жимолости, на потемневшем снегу лежал, раскинув руки, Афонька, а над ним нависала огромная фигура в тулупе, вывернутом мехом наружу. С длинных когтистых пальцев падали черные в лунном свете капли. Падали и прожигали снег. Задранная кверху рогатая маска козла бессмысленно пялилась в сияющее звездами небо. А от того, что было под маской, уже готовый вырваться крик застрял у Глеба в горле.

Судорожно хватая ртом воздух, он развернулся и бросился бежать, краем глаза успев заметить движение позади себя. Ужас подстегивал его, сердце бешено колотилось, а ноги, уже немало потрудившиеся в эту ночь, изо всех сил несли вперед, мимо заборов, на главную улицу, туда, где горели окна и свечи в берестяных фонарях, где звенели веселые песни и под масками скрывались улыбающиеся человеческие лица.

Хриплое, утробное дыхание за спиной становилось все ближе. Догоняет! Еще немного! Еще!

Слетел с правой ноги валенок, Глеб испуганно всхлипнул и в следующее мгновенье, потеряв равновесие, упал лицом вниз, в белую ледяную мглу.

* * *

Он стоял на большой поляне, окруженной со всех сторон

густым, сумрачным лесом. На правой ноге не было валенка, но холода он не чувствовал. Только страх. Там, за деревьями, что-то двигалось. Хрустели ветки, шелестели кусты, облетал с крон снег. Везде только черное и белое.

Вот раздвинулись на опушке тесные заросли можжевельника, и на поляну один за другим вышли трое ряженых, высокие, сгорбленные, в шубах наизнанку. Маски у них были разные: у первого – медведь, у второго – кабан, у последнего – волк. Вышли и остановились, застыли, словно не решаясь идти дальше, словно охраняя невидимую границу леса, замерли на ней неподвижными истуканами.

Чуть не плача от ужаса, Глеб направился к ним. Медленно, осторожно, напряженно. Сам себе удивляясь. Что-то вело его, придавало отчаянной смелости. Встал перед первым, потянулся рукой, бережно приподнял маску. Под ней было лицо его отца. Бледное, худощавое, с аккуратно постриженной бородкой.

– Все будет хорошо, сын! – сказал отец ласково. – Ты только вернись.

Кивнул ему Глеб, немного отлегло у него от сердца. Шагнул ко второму, сдвинул уродливое кабанье рыло, а за ним – бабушкины лучистые глаза. Живые, добрые, вокруг – сеточка морщинок. Как если бы и не умирала, не оставляла их.

– Нельзя тебе, Глебушка, в лес, – бабушка улыбнулась, отчего морщинки заметней стали. – Холодно там.

Улыбнулся Глеб в ответ, и ей кивнул. Потянулся к третьей

маске. Оскалилась волчья морда, ощерила клыкастую пасть, зарычала сердито. Отдернул мальчишка руку, отступил на шаг. Не испугался, удивился только. Тут сзади вдруг донеслось:

– Эй, я здесь!

Обернулся он, а с другой стороны на поляну как раз выходит Афонька. Целый и невредимый, будто бы и не рвали страшные кривые когти ему грудь и живот, будто бы не плавился вокруг него снег, пропитанный горячей кровью. Стоит себе, ухмыляется, рукой машет.

Обрадовался Глеб, побежал навстречу. Но видит тут – что-то не так с Афонькой. Он вроде как и ростом выше стал, и толще, массивней. И вместо улыбки застыла у него на лице жуткая гримаса.

И хочет Глеб остановиться, а не может уже, ноги опять подводят, сами несут его навстречу тому, что совсем недавно было веселым дурашливым мальчонкой, а теперь лишь притворяется им. Бывший Афонька раздувается до невероятной степени, и одежда его трещит по швам, и рвется, и сквозь дыры лезет наружу черный свалявшийся мех вывернутого тулупа. Лицо расползается, разлетается клочьями, обнажая выцветшую рогатую маску козла.

– Кто ты? – кричит Глеб на бегу. – Кто ты такой?!

– Я никто! – насмешливо ревет чудовище в ответ. Оно огромно, закрывает собой уже половину неба, но все продолжает расти.

– Я никто! Я могу надеть любую личину!

И свет меркнет.

* * *

– Он что-то сказал. Ты слышал, он что-то сказал!

– Да, кажется, приходит в себя.

Глеб открыл глаза. Тьму рассеивала стоящая рядом свеча. Он лежал в своей кровати, укутанный до самого подбородка одеялом. В доме было жарко натоплено, и он весь взмок.

– Видишь, я же говорил, что все будет хорошо.

Отец. Родной, знакомый голос. Прохладная влажная рука легла ему на лоб.

– Жара нет.

– Глебушка мой!

Это мама. Она сидела рядом, и даже в таком тусклом, неровном свете было хорошо заметно, какие у нее красные, заплаканные глаза. Теперь в них зажглась радость.

Она обняла, поцеловала его. Глеб приподнялся на локтях. За окном продолжалась иссиня-черная ночь, и в небе одиноко висела бледная луна.

– Давно я сплю? – спросил он, зевнув.

Отец, поправив очки, пожал плечами:

– Часа четыре. Тебя принесли незадолго до полуночи. Сразу побежали за Авдотьей… – он тронул маму за плечо. – Пойду, разогрею питье.

Она кивнула, не сводя глаз с сына. Потом стала ему объяснять:

– Авдотья осмотрела тебя, сказала, чтобы не переживали. Да как тут… мы, конечно, и за доктором послали, только раньше утра он все равно не приедет. Да и то еще непонятно, Рождество ведь.

Глеб кивал. Авдотья была деревенской повивальной бабкой, и он уже несколько месяцев назад узнал, что это означает. Она же являлась и костоправом, и травницей, и к ней обращались с куда большей охотой, чем к доктору, жившему в соседнем селе.

Вошел отец, неся чашку с ароматной горячей жидкостью.

– У тебя голова не кружится? – спросил он.

– Нет.

– А горло не болит?

– Нет.

– А нос не заложен?

– Не заложен.

Он снова положил руку сыну на лоб.

– Никакого жара. Слава богу, все обошлось. Выпей вот это.

Глеб осторожно взял чашку.

– Тот мальчик… – сказал вдруг отец, и мама как-то странно на него посмотрела. – Скажи… это ведь был волк?

Глеб удивился:

– Что? Какой волк?

Тут неожиданно он понял, о чем идет речь. Губы его задрожали, из глаз сами собой хлынули слезы. Мама едва успела забрать у него из пальцев чашку, иначе он бы выронил ее. Уткнув лицо в ладони, мальчик разрыдался. Мама обняла его судорожно вздрагивающие плечи, отец успокаивающе гладил по волосам, приговаривая:

– Ну, ну, будет тебе, будет.

Потом слезы кончились. Все еще всхлипывая, Глеб сел на кровати и большими глотками выпил все, что было в чашке.

– Вот молодец. А теперь тебе надо поспать. Утро вечера мудренее, встанешь завтра, и все покажется просто плохим сном. Спи.

Глеб кивнул, опустился на подушку, закрыв глаза. Мама поцеловала его в щеку, задула свечу, они с отцом вышли за занавеску, отделявшую его закуток от большой комнаты, и теперь мальчик мог лишь слышать их приглушенный шепот.

– Тебе тоже надо лечь. Вымоталась вся.

– Нет, Авдотья велела проведать ее, как только Глебушка в сознанье придет. Я сейчас к ней быстренько сбегаю.

– Вот не спится старухе. Ну хорошо, пошли. Я обещал Матвею помочь… у колодца. Урядник сказал, нельзя ничего трогать до приезда пристава. А они с доктором только с утра появятся. До тех пор надо охранять. Может, зверя-то выследим.

– Царица небесная, от кого охранять?

– От волков. Да и от людей тоже, незачем им глазеть.

– А Глебушке придется с приставом говорить?

– Ничего не поделаешь. Он единственный, кому довелось хоть что-то увидеть. Ума не приложу, что им там понадобилось.

– Ох, горе-то какое. А кто этот бедняжка?

– Говорят, сынишка Федора Сипатого. Самого Федора добудиться не могут никак, пьян мертвецки еще с полудня.

– Боже ты мой! Ведь в Рождество…

Закрылась дверь, шаги прошумели в сенях, и наступила тишина. Глеб остался в доме один. Он не спал, и вовсе не хотел спать. Кусая губы, лежал в темноте и думал о том, как хотелось ему прервать отца, вскочить с кровати и крикнуть, что это был вовсе не волк, не волк, не волк! Что волк совсем не плохой, он только рычал, потому что не хотел пропускать его в лес, а Афоньку по правде убил ряженый в маске козла, который на самом деле…

Кто же он на самом деле? Покойник, жадный до человеческой крови? Пастух Васька, бывало, рассказывал им про таких. Выбрался мертвяк из могилы и закрылся личиной, затерялся среди других ряженых, выжидая удобного момента. Или это лесной житель, болотный дух, оголодавший за лютую зиму, притворившийся человеком? Бабушка, наверное, знала бы ответ.

Глеб перевернулся на другой бок, посмотрел в окно. Теперь он все хорошо вспомнил, и перед глазами стояли тяжелые капли, срывающиеся с острых изогнутых когтей. У по-

койников могут быть такие когти. Кажется, один из друзей говорил ему, что у мертвецов ногти и волосы растут и после смерти. Да может быть, это пустая брехня.

Чу! За окном что-то промелькнуло. Показалось, будто на мгновенье черная тень загородила собой луну. Сердце вновь бешено забилось в груди, как тогда, у колодца. Прислушался. Тишина. Мерно тикают старые настенные часы с кукушкой в большой комнате, да вроде бы скребется мышь под полом. И все. Наверное, моргнул просто.

Тихий, еле уловимый шорох раздался в сенях. Ветер? И вот опять – слабое шуршание. Там кто-то был. Мальчик не спеша сел на кровати, облизал пересохшие губы. Потянулся рукой к свече, но в этот момент услышал, как открывается дверь в большой комнате. Поток холодного воздуха ворвался в дом, зашелестел занавеской.

От ужаса Глеб не мог пошевелить даже пальцем. Мысли лихорадочно забились в голове. Мать вернулась? И крадется по дому, чтобы не разбудить его? Окликнуть? Спросить? Язык словно бы прирос к нёбу и отказывался повиноваться. Где же брат, почему его нет? Он напряженно вслушивался во тьму, но различал только стук своего сердца. Может, вправду почудилось. Примерещилось с перепугу. А дверь ветром открыло. Конечно, так и есть.

Осторожно выдохнув, Глеб спустил на пол босые ноги.

И тут скрипнули в комнате половицы. И еще раз. И еще. Скрипели сильно, протяжно, не как под обычным челове-

ком. Кто-то большой и тяжелый медленно шел сейчас по ним, стараясь ступать как можно тише. Чтобы не потревожить, не спугнуть раньше времени. Глеб понял, что дрожит. Он изо всех сил сжал зубы, чтобы не стучали. Ни звука. Черное зловещее безмолвие. И в самом его центре – ряженый. Прямо здесь, за занавеской. Протяни руку и дотронешься.

Во мраке он не мог видеть, но ясно представил себе его. Громоздкий заиндевевший тулуп мехом наружу, длинные серые пальцы, когти, изогнутые как серпы, нелепая козлиная маска с витыми рогами, под которой ничего нет. Чудовище стояло за занавеской, а на кровати маленький мальчик, по рукам и ногам скованный страхом, не дыша, смотрел в сгустившуюся темноту и ждал, когда оно войдет.

Он боялся не смерти, не боли и не крови. Совсем другого.

– Я могу надеть любую личину! – сказало оно ему там, во сне, на заснеженной лесной опушке, на извечной границе света и тени.

И сейчас Глеб боялся, что когда его родители вернутся, они не заметят подмены.

Парфенов М. С. Подарок

Дело было в ночь перед Новым годом. За окнами падал, медленно кружа, сказочный снег. Со двора доносились пьяный смех, звон стекла и бренчание гитары, а из телевизора в гостиной – праздничная музыка, тосты. Сергей Иванович Квашнин, подхватив с блюда бутерброд, оставил кухонные дела жене и дочке, а сам заглянул в комнату к сыну. Втихую от супруги Сергей Иваныч чуть раньше уже сподобился тяпнуть рюмашку и теперь весь пропитался новогодним настроением. Веселья, однако, поубавилось, когда взгляд его, пошарив в сумраке, уперся в черные тени глаз на бледном, недовольно скривившемся лице.

Влад по обыкновению куковал у монитора. В слабом мерцании экрана кожа у него была белой, как у трупа, длинные волосы топорщились во все стороны, массивные наушники дугой обнимали череп.

– Мм? – Сергей протянул вперед руку с бутербродом.

Влад покачал головой и сосредоточился на игре. Там, в

мониторе, шла война. Настоящая бойня, судя по брызгам цифровой крови, заляпавшим объектив игровой камеры.

– Нам всем иногда надо что-то кушать, – заметил Сергей.

– А?

– Бэ! Есть. Пить. Общаться с семьей. Эх, – махнув рукой, он прикрыл дверь и ушел в гостиную.

С сыном было сложно найти общий язык. Влад в последнее время стал как неродной. Отдалился от семьи, оценки снизились – не критично, но заметно. Переходный возраст, черт побери! Все интересы юноши сосредоточились внутри его комнаты: кровавые игры, кровавые фильмы, тяжелая громкая музыка, от которой кровь могла пойти и из ушей. Сергей понимал: наверное, с этим надо что-то делать. Вот и Галя о том же зудела едва ли не всякий раз, когда они оставались вдвоем. Он как отец обязан предпринять какие-то шаги. Но не сейчас, не в эту ведь ночь! Не то чтобы Сергей был нынче занят, как раз таки наоборот – хотел насладиться сладким ничегонеделанием.

Устроившись на любимом диванчике с ПДУ в одной руке и надкусанным бутербродом в другой, он собрался было понаблюдать за весельем замшелых экранных знаменитостей, да вдруг заметил, что рядом с миниатюрными фигурками Деда Мороза и Снегурочки под пластиковыми лапами искусственной елки появилось несколько весьма симпатичных на вид маленьких свертков.

Коробчонки радовали глаз. Они были бережно упакова-

ны в подарочную бумагу с блестками, любовно обвязаны праздничными лентами, обсыпаны разноцветными конфетти. Сергей поневоле улыбнулся, глядя на них, но затем призадумался: кто эти аккуратные кубики с бантиками наверху сюда подложил и что же находится там, внутри?

Он отметил, что подарков – а это несомненно были подарки – всего три. В семье же четыре человека: он, жена, Влад и Иришка. Новый год они традиционно праздновали вместе, дома, никого из знакомых или друзей к себе не звали. Для Сергея это всегда был особый вечер и особая ночь. Праздник настоящего семейного единения. Да и выходных дней вполне достаточно, чтобы наведаться до или после знаменательной ночи к кому только пожелаешь. У Иришки впереди прогулки с подругами, сам он с женой нагрянет к соседям сверху, а потом еще в офисе корпоратив на старый Новый год… Только Влад в лучшем случае останется высиживать мозоль на заднице перед компьютером, а в худшем – затусит с такими же, как он, раздолбаями. Но все это – потом, потом, а сегодня, сейчас – семейный ужин, «Голубой огонек» и старина оливье.

Но, раз подарочков под елью ровным счетом три штуки, а в семье Квашниных четыре человека, значит, кто-то из родственников решил таким милым образом одарить остальных. Вот только кто бы это мог быть?..

Жена. В ее духе. Благоверная и в юности такой была, как воздушный шарик, наполненный фантазиями. Он сравнивал

ее тогда с Ассоль, и это сравнение не казалось ему банальным или пошлым, ведь то, что правильно, никогда не бывает оригинально. Правильно встречать Новый год у себя дома, кушая правильный салат и правильную селедку под шубой, запивая правильным шампанским. Галина и в зрелые годы, несмотря на то что прибавила в весе и все чаще жаловалась на мигрень, оставалась романтичной натурой. Ее стараниями дети лет до десяти верили в сказки о Деде Морозе. Сергей подобное воспитание не очень одобрял, но с характером Гали-Ассоль давно смирился. В былые годы даже помогал ей запрятать подарочки с вечера, чтобы утром, когда Влад и Иришка встанут, сонные, предъявить им. «Откуда, откуда?» – спрашивали детки, а мать отвечала: «Пока вы спали, дедушка в красном тулупе зашел, велел вам передать да наказал, чтоб хорошо себя вели в новом году». «Неправда! – однажды крикнул маленький Владик. – Я всю ночь его ждал, не было у нас никого!» И тогда на помощь жене пришел Сергей: «В этот раз Дед Мороз ко мне на работу заглядывал, подарки передать. Ты же не думаешь, что он только по домам и квартирам ходит? У него столько дел в Новый год, что порой надо спешить, чтобы все успеть».

Да, если бы они с Галей еще неделю назад не обсуждали, что подарят сыну и дочке, и если бы он сам этим утром уже не пользовался новым бритвенным станком, то мог бы твердо сказать, чьих рук дело эти маленькие презенты.

Однако набор косметики для дочуры и диск с одним из

тех ужасных американских фильмов, которые так нравятся Владу, уже были припрятаны в укромном местечке на антресоли, на гладко выбритом подбородке Сергея не осталось ни одной мало-мальской щетинки, а значит, вариант с женой отпадал.

Дети? Сговорились на пару порадовать стариков? Было бы здорово. Но, во-первых, подарочков три, а не два. А во-вторых, Влад с Иришкой не очень-то ладили меж собой. Да, с Владом им всем непросто. Вчера дотемна где-то шлялся, а на упреки родных по этому поводу упорно отмалчивался.

Вот и теперь, пока сестра с мамкой орудовали у плиты, сынуля заперся у себя и кромсал очередных монстров в очередном побоище. Ох, не доведут эти его увлечения до добра…

Ирка, маленькая Иришка, она! На сердце у отца потеплело. Вся в мать пошла, чудо светловолосое… Добрая, отзывчивая – золото, а не дочь! Красавица, отличница, надежда и отрада родителей. Вот только откуда у нее деньги на подарки? Конечно, Сергей что-то подбрасывал своей любимице на карманные расходы, но был уверен, что та все тратит на колечки и болтовню по мобильнику.

Или все-таки Влад? Может, наш парень хоть к Новому году позабыл о своих подростковых проблемах, бросил строить из себя взрослого мужика (что ты, не подступись!) и решил вспомнить детство? Верилось с трудом. Эх-эх-эх…

Так ничего и не решив, отец семейства задремал, убаюканный льющейся с экрана песней из старой новогодней ко-

медии.

Ближе к полуночи между диваном и телевизором девчонки накрыли праздничный стол. Оживившийся Сергей Иваныч резво откупорил бутылку «Советского» (другого не признавал) и разлил по бокалам. Принарядившиеся по такому случаю жена и дочка с умилением следили за процессом, и только Влад, бледный компьютерный Влад с темными кругами вокруг глаз сидел с безразличным видом чуть в стороне от всех и ритмично постукивал лезвием ножа по краю стола.

– Ну что, семья. – Отец поднял бокал. – Пора проводить старый год! Пусть все плохое, что было, уйдет вместе с ним… Владик, ты не мог бы перестать?

Сын взглянул на него исподлобья, не выпуская нож из руки.

– Действительно, – нахмурившись, сказала Галина. – Если уж не помогал накрывать, так хоть веди себя нормально.

– Зачем стол-то портить? Что он тебе сделал? – возмутилась Иришка.

Влад скривил тонкие губы. Когда он заговорил, в голосе его Сергею послышались насмешка и презрение.

– Я бы хотел срезать этим ножом ваши самодовольные лица, – сказал Влад. – Срезать и сорвать их, как маски, чтобы увидеть звериные морды, которые вы под ними прячете.

И, взглянув на свое отражение в лезвии, отложил нож. Пока вся семья, онемев, таращилась на него, Влад медленно встал из-за стола. Неужто опять за старое взялся, с нарастаю-

щим ужасом и изумлением думал Сергей. Переходный возраст или что другое, но от Влада сейчас можно было ждать чего угодно. На той неделе они изрядно поцапались с сестрой по какому-то поводу, та даже влепила братцу пощечину, а мать вступилась за дочь. Пришлось и главе семейства сказать веское слово: мол, что ж ты, мужчина, с бабами в перепалки вступаешь… В знак протеста Влад тогда молча оделся и ушел на улицу, к дружкам. Может, даже к тем самым, которые сейчас во дворе с гитарой и пивом веселятся.

– Ты… ты куда? – Сергей опустил бокал и быстро переглянулся с супругой.

Они успели обменяться мнениями по поводу подарков, обнаруженных под елкой, и пришли к выводу, что оставила их там все-таки Ира.

Но сейчас именно сын доставал коробочки и принялся раскладывать их на столе. С бледного, может даже чуть бледнее, чем обычно, лица не сходила вялая полуулыбка, вызывавшая скорее беспокойство, чем радость.

– Это тебе, ма, – отодвинув миску с оливье, Влад положил на стол подарок в обертке салатового цвета с золотыми крапинками. – Ты так часто в этом году, да и в прошлом, злилась из-за соседского щенка сверху. Ох и доставал же он тебя своей возней и тявканьем… Заметила, что-то давно его не слыхать?

– Что… Ты не мог, только не это! – Женщина было привстала, но тут же тяжело рухнула обратно на свое место. Стул

тоскливо скрипнул.

– Сестренка, – Влад повернулся к ней, протягивая завернутую в синее коробочку. – Думаю, ты уже никогда не станешь завидовать глазкам своей подружки из соседнего подъезда. Ах, какие они красивые, зеленые до умопомрачения! Ах, почему у тебя нет таких же изумрудов… Одна из этих драгоценностей достается тебе, теперь-то уж точно. С Новым годом!

Он замолчал, наблюдая за реакцией родных. За спиной у Влада на фоне Кремлевской стены начал свою речь президент. Голос гаранта был негромким, звучал сухо и по-деловому.

Влад хихикнул. Ира испуганно взвизгнула, отшвырнула подарок. Коробочка полетела на пол и покатилась, переваливаясь с одной грани на другую. При этом внутри что-то еле слышно шуршало и билось о стенки. Как показалось Сергею, что-то маленькое.

– Да как ты… – начал было отец, но Влад уже положил перед ним последний презент – завернутый в темно-красную, как клубничное варенье, бумагу.

– Папа, – глаза мальчишки сияли, – ты ведь больше уже не будешь злиться на своего начальника? Всего лишь пара несильных ударов вот сюда, – он коснулся рукой горла, – и никаких проблем на работе не осталось. Больше – нет.

Сергей тихо ахнул. «Запретить, – крутилось у него в голове. – Давно надо было уже запретить все эти жуткие крова-

вые игрушки. Вон у Малахова в передаче что ни день – обсуждают, один случай ужасней другого, и все про свихнувшихся на играх геймеров. А Брейвик? Он же на приставках игровых тренировался, в шутерах этих. Или тот парень, ровесник Влада, что в школе стрельбу устроил, он ведь тоже играл во что-то…»

В динамиках раздался торжественный бой курантов. В ушах Сергея он сейчас гремел тревожным набатом. Воображение мигом нарисовало картину – шокирующую, но такую живую, такую… правильную?

Боммм… Влад дежурит у входа в офис, пряча под полой зимней куртки нож, этот вот большой столовый нож с широким блестящим лезвием. Боммм… Темнеет, улица перед входом в здание пуста, фонари не работают. Боммм… Дверь открывается, и на пороге возникает грузная фигура директора фирмы. Ему не дойти до своей машины, припаркованной в нескольких метрах, потому что сзади крадется юноша с бледным решительным лицом и черными пятнами вместо глаз.

Боммм… Боммм… Боммм…

– Что там? – тихо спросил Сергей, не глядя на сына – взгляд приковала к себе коробка с «подарком». – Что ты… взял у него?

– Кусочек. – Улыбка Влада стала шире. – Маленький сувенир на память. Для тебя.

Сергей услышал тихий стон и краем глаза увидел, как же-

на схватилась за грудь.

Тяжелые удары гремели над башнями Кремля и одновременно в гостиной, как гром. За окном, подхватив эстафету, раздались взрывы петард. Отсветы новогоднего фейерверка – зеленые, синие, красные, как упаковка проклятых коробок, – падали, сменяя друг друга, на спокойное и гордое лицо юноши.

– Боже мой, – выдохнул отец.

Отброшенный одним резким движением бокал ударился о стену и взорвался брызгами стекла и шампанского («Боммм…» – отозвались куранты). Иришка опять закричала. Сергей схватил свой подарок и принялся остервенело рвать ленточки и обертку.

– Не надо… – простонала жена, отворачиваясь.

Мужчина добрался до картона, вскрыл его трясущимися пальцами – и слезы потекли по белым как снег, белее, чем у сына, щекам.

Пусто.

Пусто?..

ПУСТО!

Ничего, кроме ваты. Совсем ничего.

Сверху донесся звонкий лай, и Галя рухнула в обморок. Иришка, уронив стул, кинулась в ванную, ладонями зажимая рот, чтобы удержать рвоту.

– Не все так плохо, – улыбался Влад, разглядывая собственное отражение в лезвии. – И даже резать не пришлось.

Разве это плохой подарок, па?

– Ты еще спрашиваешь. – Дрожащей рукой Сергей Иванович Квашнин вытер мокрый от пота лоб. – Да это… это…

На глаза ему попался белый клочок, будто вырванный из бороды Деда Мороза.

– Спасибо тебе, сынок, – сказал Сергей Иваныч и нервно икнул. – Спасибо. Это лучший подарок за всю мою чертову жизнь.

Новый Новый год

Итак, дружочек, ты уже готов сунуть руку в мешок с подарками? Как ты сможешь убедиться, здесь мы припрятали сплошь сюрпризы – ну очень необычные, подчас смешные, но в то же время жуткие истории на тему Нового года и Рождества. Праздник начинается!

Максим Кабир.
Предновогодние хлопоты

Восемнадцатого ноября всем работникам склада выдали новую форму. Женщинам – бело-голубые полушубки и платьица с зимним узором. Мужчинам – красные отороченные мехом костюмы и длинные шапки.

Начальник отдела кадров проинструктировал подчиненных и завершил собрание традиционной корпоративной молитвой.

Саша Сибирцева потянула вниз подол платья, но упрямый атлас отказывался скрывать бедра. Из зеркала на нее смотрела огромными беспокойными глазами худая угловатая девчонка. Олененок Рудольф в наряде Снегурочки.

Саша покосилась по сторонам, ожидая насмешливых ухмылок, но внимание сотрудников приковала диспетчер Полозова. Ослепительная платиновая блондинка в струящейся ткани вдохновила бы Васнецова. Диспетчер была всеобщей любимицей, даже звали ее красиво: Злата.

Полозова подмигнула Сибирцевой, и та смущенно потупилась.

Зависть – тяжкий грех, твердила себе Саша. Завистливые дети не найдут подарки утром. Вооружившись длинным списком товаров, она вышла из служебной комнаты.

В коллективных молитвах склад упоминался под ласкательным прозвищем Сокровищница. Помещение занимало территорию трех крупных гипермаркетов. Оно и внешне смахивало на гипермаркет, только без покупателей.

Гигантский зал, устремляющиеся вдаль торговые ряды. Внушающие трепет лабиринты, в которых можно бродить часами, не встречая коллег. Здесь царил полумрак, а тени вытворяли такие фокусы, что впору было поверить в жутковатые байки, пересказываемые менеджерами и кладовщиками. В истории о заблудившихся бедолагах. О голосах в вентиляционной шахте. О плачущем почтальоне.

За девять месяцев на складе Саша Сибирцева не привыкла к утробному эху, и в угрюмых туннелях чувствовала себя потерявшимся ребенком.

Она задрала голову к далекому, как звезды, потолку. Небосвод склада змеился вплавленными во мглу трубами, поблескивал изоляцией. Ночью кто-то украсил его новогодним дождиком и гирляндами. Воображение Саши нарисовало великана, тролля, решившего подготовить свое жилище к празднику.

Из динамиков заиграла стимулирующая музыка. Поряд-

ком надоевшая песенка «Last Christmas» группы Wham!

Толкая тележку, Саша пошла по лабиринту.

Первым в списке значился отдел спортивного инвентаря. Уютный закоулок возле центра расшифровки почерка. И, по меркам Сокровищницы, всегда людный. Пара переводчиков, заскочивший поболтать компьютерщик… Но сегодня отдел пустовал. Дробился стук каблуков, болезненно пищали колеса тележки.

Саша встала на цыпочки, и платье оголило бедра. Все-таки хорошо, что поблизости никого нет. Вряд ли местным мужчинам было бы приятно созерцать ее плоские, испещренные шрамами ягодицы.

Она сняла с полки коробку.

Провела подушечкой пальца по штрихкоду, и перед внутренним взором возникла размытая картинка. Словно домашнее видео в царапинах изношенной пленки. Упитанный мальчик разворачивает посылку, радостно кричит. Подбрасывает замечательный кожаный мяч. Подарок ударяется о люстру, и папа беззлобно велит не играть в квартире.

Чудесная семья. Чудесный подарок славному ребенку.

Саша улыбнулась. В подобные моменты она забывала бояться, и досужие сплетни коллег утрачивали над ней власть.

Болтливых детей лишают десерта.

Из динамиков ABBA поздравляла с Новым годом. Размышляя о доме, в котором папа не наказывает за шалости, Саша продолжила путь.

Отдел электроники также изменился за ночь. Между стендами водрузили искусственные елки, чрезмерно увешанные игрушками. Имбирные человечки, снегири, ангелы, зайцы и ежики. Аромат хвойного дезодоранта. В спелых кругляшах отразился искаженный Сашин профиль.

Она щелкнула ногтем по свинке-копилке.

Попыталась вспомнить символ грядущего года. Змея? Дракон?

Ответ утонул в помехах. Она почесала лоб. Спеша отвоевать праздничное настроение, схватила нужную посылку.

Игровая приставка для кучерявого мальчика. У него нет папы, но мама красивая и пахнет живыми фруктами и цветами. Саша с минуту держала палец на штрихкоде, наслаждаясь картинкой, запахом, счастливым визгом.

Ежедневные гимны в служебной комнате приобретали смысл и вес.

Приставка легла в кузов тележки.

Саша замедлила шаг у телевизионных мониторов с разными диагоналями. На экранах шла голливудская комедия.

Находчивый герой в исполнении юного Маколея Калкина мастерил хитрые ловушки.

Саша смотрела фильм тысячу лет назад. Ностальгия защекотала в груди.

Вероятно, показывали режиссерскую версию: сцена на кухне была ей не знакома. Калкин опрыскивает грабителя бензином. Подпаливает его при помощи петарды. Плохиш

смешно дергается, его волосы пылают, потом загорается лицо.

В памяти всплыло имя актера, Джо Пеши.

Грабитель Пеши корчит дурацкие гримасы, а кожа его горит и трескается, мешочки человеческого масла – жировые клетки – вытекают и шипят, как яичница. Закипают белки в глазницах.

Улыбка сползла с губ Саши. Ей не нравилась эта версия фильма. Она ассоциировалась с матерью, со смрадом, который та источала после смерти.

Саша заторопилась.

Если она не справится до обеда, получит выговор.

Склад заканчивался секцией мягких игрушек. Саша впервые пришла сюда сама.

Раскачивалась, будто висельник, лампочка на проводе. Отблески света метались по потолку. Плюшевые звери обзавелись гадкими тенями и нехорошими мыслями.

Саша сглотнула кислый комок.

Осторожно переступила через детскую железную дорогу. Рельсы ручейком оплетали стенды и убегали к распахнутым дверям в стене. Надпись над входом гласила: «Упаковочный цех».

Она слышала про этот отдел.

И посещала его в одном из кошмаров, а кошмары были неотъемлемыми спутниками Саши на протяжении всей жизни.

Саша поежилась. На задворках склада температура не поднималась выше нуля. Холод проникал под платье ледяными пальцами. Она выдохнула облачко пара.

Тяжелые пластиковые шторы, прикрывавшие вход в цех, шевелились от порывов промозглого ветра. Снежная крупа, выплюнутая сквозняком, покатилась к Саше. Снежинки приземлилось на сапоги, и она брезгливо стряхнула их, точно насекомых.

Откуда-то сзади доносилась музыкальная тема «Простоквашино».

Саша повернулась к цеху спиной, взяла с полки плюшевую панду. Не проверила даже, кому она предназначена. Хотелось быстрее уйти из секции.

Она оглянулась.

За пластиком кто-то был.

Похожая на клинок тень падала к ногам Саши Сибирцевой, и пол затягивался инеем, очерчивая границы тени.

В недрах громадного морозильника раздался шум.

Звук, какой производили бы крысы, роющиеся в коробках с конфетти.

Онемевшая Саша попятилась от темной фигуры за занавеской.

Чуть не споткнулась о железную дорогу. Пошла, толкая тележку. Зубы ее стучали в такт с бешено колотящимся сердцем.

Колокольчики прозвенели мелодию пятнадцатиминутно-

го перерыва.

Саша скользнула в боковой проход и покинула Сокровищницу.

* * *

На улице завывал ветер, и карликовые торнадо гуляли по припорошенному асфальту. Ледяная соль шуршала под подошвами. Саша пересекла парковку.

Пунктирная линия следов казалась цепью, пристегнувшей ее к гранитной глыбе склада.

Справа от здания росла одинокая ель, метров тридцать в высоту, древнее реликтовое дерево с пушистыми лапами.

Саша миновала ее и подошла к беседке с двускатной крышей. Зажгла сигарету. Из ста пятидесяти работников Сокровищницы курило пятеро. Дирекция взимала с курильщиков «никотиновый» процент и награждала премией за отказ от табака.

Дети с вредными привычками ложатся спать на голодный желудок.

Все так, но дым в легких напоминал Саше о мире вне склада. Три сигареты в день, вот что мешало ей превратиться из человека в шестеренку, деталь отлаженного механизма. Три кратких мига «как прежде».

Развеялся туман, полгода облеплявший склад.

Еще вчера за беседкой вздувалась плотная пелена, а те-

перь занавес пал, и кругозор разомкнулся.

Там ничего не было.

Ничего, кроме бескрайней пустоши до горизонта. Мерзлая земля, редкие пучки сухой травы. Сливаясь с пепельным небом, пейзаж образовывал шар, и взгляд напрасно бился о его вогнутую поверхность.

Склад, ель, парковка и Сашина беседка будто плавали в невесомости.

А вдруг те счастливые дети – фантазия?

Вдруг посылки уходят в космос, вертятся по орбите Сокровищницы астероидным кольцом?

Она стиснула в пальцах окурок.

Скрипнули задние двери, и Саша ссутулилась, словно нашкодивший ребенок. Заведующий Котельников, одетый в костюм Санты, как и простые кладовщики, держал в руках фарфоровое блюдце. Он поставил свою ношу на порог и, если бы в этой вселенной обитали животные, Саша решила бы, что он подкармливает кошек.

Котельников улыбнулся ей приветливо:

– Кадите, Александра Дмитриевна? Травитесь, миленькая?

От его отеческого заботливого тона у Саши засосало под ложечкой. Улыбка заведующего была фальшивой, зубы гнилыми от сладостей, а сам он походил на постаревшего и спившегося Маколея Калкина.

– Я всего две в день выкуриваю, – стушевалась Саша и

погасила окурок о дно кофейной банки.

– Три, голубушка, три, – сказал Котельников и сделал несколько приседаний. – Денек-то сегодня – эх! Шикарный денек!

Саша подошла к нему, мельком заглянув в блюдце. Кисель – его подавали на завтрак по будням. По выходным служащих потчевали кутьей.

Коллеги шептались, что на кисель директорà приманивают земляных дедов. Саше доводилось находить на пороге склада посуду с полусъеденными лакомствами.

Котельников причмокнул, озирая пейзаж.

– Говорят, в этом году Хозяин прилетит пораньше.

– Здорово, – произнесла Саша.

Заведующий похлопал ее по плечу.

– Волнуетесь, Александра Дмитриевна? Это нормально. В предпраздничные дни мы все волнуемся. Кабы чего не случилось, кабы карапузики были с подарочками.

– Демьян Романович…

Саша уставилась на свои сапоги.

– Да, радость моя?

– Демьян Романович, а если я захочу уволиться?

Его лицо удивленно вытянулось.

– Зачем вам увольняться, воробушек? Куда вам идти-то, Сашенька? Здесь вы пользу приносите, на благо людям трудитесь. Вы ж, душечка моя, сами письмишки писали, просились, пташечка, примите. Маменька моя, цветочек, пьянень-

кая уснула да закоптилась вся, папенька мой умалишенный повесился на елочке. Возьмите меня, люди добрые! Возьмите!

Котельников захныкал и потер щеки костяшками.

Саша прикусила всхлип.

Безжалостные глаза заведующего буравили ее переносицу.

– Идите работать, Александра Дмитриевна. Всерьез надумаете увольняться, спуститесь в мой кабинет, и мы с вами пораскинем мозгами, что да как.

Она быстро кивнула и вошла в Сокровищницу.

* * *

На ужин были винегрет и холодец.

Хотя бы не оливье. Саша чувствовала, что ее вырвет при одном виде перемазанного жирным майонезом салата.

В комнате отдыха крутили «Иронию судьбы». Когда-то она любила этот фильм. Его показывали в маленьком телевизоре на кухне, и мама подпевала Никитину, засовывая в духовку курицу. Мама оставалась почти трезвой до президентской речи, до боя курантов.

Но смотреть кино сейчас было невыносимо.

Неистовый хохот кладовщиков пульсировал в ушах, пока она поднималась по металлической лестнице на чердак. Под крышей дирекция оборудовала комнаты для персонала. Ка-

моры на двух человек, разбитые фанерными перегородками.

Комнатка Саши вмещала пару коек, пару гардеробов, тумбу и картонный камин с встроенным обогревателем. Стены пестрели детскими рисунками на рождественскую тематику, их развесили еще до заселения сотрудников.

Саша едва успела переодеться, как в комнату вбежала раскрасневшаяся Полозова.

– Сашуль! – соседка обняла ее и закружила в танце.

Саша озадаченно заморгала:

– Ты чего, пьяная?

– Бокал шампанского, всего-то! Демьян угостил. Советское, молдавского разлива. Ты когда последний раз пила шампанское?

Саша равнодушно отмахнулась. Рот наполнился винной терпкостью.

– Оно так выстрелило! – Злата Полозова замлела от удовольствия, поправила свои роскошные волосы. – Уже проверяла носочки?

Саша отрицательно мотнула головой и села на кушетку.

К поддельному камину были пришпилены два зеленых гольфа.

– Можно, можно я проверю твой?

– Валяй.

Полозова по очереди ощупала гольфы.

– У тебя ничего, – с сожалением констатировала она и тут же охнула: – У меня конфета!

Она извлекла фигурку Дедушки Мороза, счистила фольгу.

Жадно хрустнула шоколадом.

– Представляешь, Демьян сказал, что у меня стратегическое мышление. Что я мыслю категориями развития склада. Он сказал, что я лабильная.

Саша вспомнила ухмылку Котельникова, вязкую, как кисель, которым он приманивал предков.

– Я подозреваю, что меня повысят, – Злата вручила Саше половинку шоколадной фигурки. – Угощайся.

– Переведут в отдел логистики? – присвистнула Саша.

– Круче, – Полозова доверительно понизила голос, – Демьян сказал, что моя кандидатура рассматривается на роль Снегурочки.

– А мы разве не Снегурочки?

– Нет, глупенькая. Это только униформа. Настоящую Снегурочку Хозяин заберет с собой во внешний мир.

«Внешний мир», – посмаковала Саша заветные слова. Слова взрывались праздничным фейерверком, были слаще шоколада и пьянили лучше любого шампанского.

– Но… тебе ведь нравится в Сокровищнице?

Злата фыркнула:

– Всем нравится. Но надо расти. И я с детства мечтала прокатиться на оленях.

Завистливые дети получат по шее, – предостерегла себя Саша.

И зажмурилась, когда Злата вновь обняла ее.

Ночью Саше снилась елочка, увешанная частями человеческих тел. На гирляндах внутренностей крепились отсеченные кисти, ступни, носы и белокурые скальпы. Елочка кровоточила, и кровь капала в сугроб. А вокруг водили хоровод серые снеговики, щелкунчики с медвежьими капканами челюстей и облезлые, поеденные клещами белки.

Саша проснулась в поту, до утра лежала, пялясь на разноцветные каракули.

Пришла зима, и снег занес беседку по крышу.

Саша выкурила дневную сигарету, нервно вертя список. В нем значилась мягкая игрушка для Алены Арсеньевой. Саше опять придется побывать возле упаковочного цеха.

Она гадливо поморщилась.

Колокольчики предупредили, что перерыв заканчивается, и двери автоматически закрываются.

Как в метро, – подумала Саша.

До слез хотелось ощутить специфический аромат подземки. Бесцельно ездить от станции к станции в толпе обычных пассажиров.

Она потушила окурок и побрела в полутьму величественной Сокровищницы.

Начальство не восторгалось Сашиной работой. На неделе ее отругали за пассивность во время молитвы, а каминный носок пустовал с октября.

Секретарша как-то поведала ей о наказании для прови-

нившихся сотрудников. Намекнула, зачем начальник охраны носит с собой березовые розги. Злата сказала, что это чушь, но розги долго преследовали Сашу в кошмарах.

Из бокового коридора вышла, соря снежком, пожилая женщина. Старшие должностные лица имели универсальные ключи, а женщина была главным товароведом. Ее звали Римма Липольц, милая, как бабушки с открыток, она неоднократно заступалась за коллег.

Товаровед заперла дверь и спрятала в карман шубки магнитную карточку. Саша догнала ее у макета мельницы.

– Здравствуйте, Римма Михайловна!

– Здравствуй, доченька. Видала, что на улице творится? Метель, буран. Студенец к нам раньше срока летит. Ты в отдел игрушек? И я туда же. Железную дорогу инспектировать. Загадали ее у нас.

Саша с облегчением присоединилась к женщине.

– Забот нынче непочатый край, – жаловалась Липольц. – Накануне всегда так. Писем – океан и маленькая речушка. Из одного Устюга тридцать тысяч. А есть еще Архангельск, Мурманск, Чунозеро, Лапландский филиал. И это не считая электронной почты. Ясно, что без Снегурочки Хозяин не справится, околеет в пути.

Саша вежливо поддакнула товароведу. Чем ближе они подходили к задней стене склада, тем холоднее становилось, и Boney M пели «Mary's Boy Child» будто из-под толщи снега.

Кусочек льда откололся от потолка, упал на вертеп, прямо в колыбель с младенцем Иисусом.

– Ну-с, – Липольц склонилась над железной дорогой, – как здоровье, товарищ Чухчух?

Стараясь не обращать внимания на вход в цех, Саша подошла к стендам. Улыбнулась, сняв коробку. Ослик Иа был ее любимым персонажем. Такой же грустный и одинокий, как она сама.

Игрушечный поезд двинулся по рельсам, набирая скорость. Вспыхнули семафоры. Ожили шлагбаумы.

Саша прикоснулась к штрихкоду.

В кинотеатре ее мозга зажужжал проектор.

Она увидела крошечную девочку, прижимающую к себе ослика, потому что у всех на свете должны быть друзья. Она увидела, как крошечная девочка посасывает пуговичку глазика. И пуговичка, вот незадача, отрывается.

Ерунда, – подумала Саша, – мама пришьет ее обратно.

Она не сомневалась, что у крошечной девочки славная мама.

Где-то стучат колеса поезда, бормочет старушка…

Крошечная девочка (стой! – мысленно закричала Саша, – прекрати!) глотает пуговицу.

Мордашка крошечной девочки стремительно краснеет, а потом синеет.

Она издает ужасный свистящий звук и тянет ручки к горлу.

Крошечная девочка у…

Ми…

Саша выронила коробку.

– Что с тобой, доченька? – нахмурилась Римма Михайловна. – Ты белая, как пломбир!

– Малышка… задохнулась… то есть задохнется.

– А-а-а, – смекнула старушка. – Подарок-то меченый!

– Что? – Саша поддела посылку ногой.

– Угольный крестик, не заметила, что ли? Угольным крестиком помечают плохих детей.

– Как она может быть плохой? – завелась Саша. – Ей четыре года от силы!

– Ну, – Липольц, потеряв интерес к беседе, изучала рельсы перед замершим поездом, – может, родителям наврала, что котлету съела, а сама ее собачке скормила. Или обои фломастером изрисовала, как негодная девчонка. Или… сотня вариантов, а правду знают лишь земляные деды. Они в норах сидят, прислушиваются. Кто хороший, а кто нет, им судить!

– Господи, – Саша сдавила ладонями виски. Она взирала на штабеля коробок, помеченных углем. – Так нельзя! Это зверство!

– Александра, – раздраженно начала Римма Михайловна. Договорить не дал поезд, резко тронувшийся с места и отрезавший старушке четыре пальца.

Липольц изумленно посмотрела на обрубки и завыла.

– Больно! Доченька, больно! Пальчики мои! Уволят! На пенсию, доченька, отправят!

– Я сейчас, – вскрикнула перепуганная Саша, – я мигом!

– Куда?..

Старуха баюкала изуродованную руку и заливалась слезами.

– За помощью!

Саша побежала по коридору.

– Кто-нибудь!

Склад вымер. Только отплясывали фантастические тени и полыхали гирлянды под сводами.

У секции велосипедов Саша чуть не напоролась на вилочные захваты автопогрузчика. Затормозила, упершись в полку. Водитель, пухлый добряк по имени Алик, глядел на нее с беспокойством:

– Ты чего носишься как угорелая?

– Там… Римме… пальцы…

Алик был сообразительным парнем. Буркнув что-то в рацию, он соскочил с погрузчика и поспешил за Сашей.

– Терпите, Римма Михайловна, терпите…

Саша споткнулась, и Алик налетел на нее.

Липольц тихонько скулила в углу.

У железнодорожной развязки сгорбилось худое обнаженное существо. Ребенок, странный, непропорциональный, больной. У здоровых детей не бывает пролежней, вздувшихся пузырей с темными сгустками.

Тень здоровых детей не покрывает пол изморозью.

Мальчик повел костлявыми плечами.

И Саша догадалась, *что* он делает. Высунув синюшный язык, он лакал с рельсов кровь старушки.

– Эй ты! – воскликнул Алик. – Паршивец!

Мальчик повернул к людям лицо в фиолетовых пятнах омертвевшей ткани. Кровь стекала по подбородку, очень яркая на фоне мерзлой плоти. Зрачки в катаракте инея слепо обшаривали пустоту.

– Вон! – рявкнул Алик с неожиданной для его комплекции твердостью. – Вали в свой морозильник!

Он топнул ботинком.

Мертвый мальчик оскалился ледышками клыков.

Саше показалось, что он прыгнет, сцепит на ее шее промороженные до костей клешни. Но мальчик засеменил к упаковочному цеху, зло рыча. В кулачке он держал трофей – мизинец Риммы Михайловны.

Мальчик юркнул за пластиковую занавеску и исчез.

Саша успела разглядеть выползшие к нему навстречу фигуры. Одни маленькие, как он. Другие размером с взрослого мужчину. Третьи… Она запретила себе думать о третьих.

– К-кто это? – прошептала Саша.

– Упаковщики, мать их, – лаконично ответил водитель и добавил, кивая в проход: – Служба безопасности, наконец-то.

Охранники перебинтовывали товароведу раны. Алик по-

могал им.

Мрачная Саша смотрела, как испаряется отпечаток морозной тени на полу, словно втягивается в распахнутое чрево цеха. Когда он убрался с железной дороги, Саша быстро подошла к рельсам и подняла магнитную карту Липольц. Карта была холоднее льда.

Голос из динамиков пригласил кого-то в кабинет заведующего.

Саша не сразу вспомнила свою фамилию.

* * *

Демьян Романович восседал за дубовым столом, уставленным многочисленными фотографиями в рамках. Люди на фото, родители, бабушки и дедушки, малышня, – Саша была уверена в этом – не имели к заведующему никакого отношения.

– Римма Михайловна в порядке? – Саша поерзала на стуле.

– В полнейшем порядке! – промурлыкал Котельников. – Подлатаем, будет как новенькая.

Он подался вперед, расталкивая локтями снимки.

– Милая моя Александра Дмитриевна. А вы молодец, да. Реакция у вас – ого-го! Горжусь вами, все вами гордятся. Кабы не вы, бог весть, что бы начудил тот сумасшедший пацаненок.

– Сумасшедший? – переспросила Саша.

– Естественно. Сынок нашего грузчика. Бедный ребенок. Малахольный. Ну а что мы, не выгонять же его? Мы же семья.

Заведующий ухмыльнулся, точно вылил на подчиненную стакан сиропа.

– Вы, пчелка моя, надеюсь, понимаете, что об инциденте лучше не распространяться. Во избежание, так сказать.

Саша понимала. Болтливые дети найдут в камине своих запеченных мамок. Болтливые дети найдут на елочке своих подвешенных папок.

– Положитесь на меня.

– С удовольствием положусь, – хмыкнул Котельников, и Саша почувствовала себя сырой варежкой, в которой стыло и неуютно. – Да, и главное, – он улыбнулся еще слаще, – мы с начальством пощебетали и решили наградить вас за проявленную бдительность. А награду вы выберете сами. Ну же, смелее. Представьте, что я золотая рыбка и исполню любой ваш каприз. Любой подарок на ваш вкус.

– Любой?

У Саши перехватило дыхание. В голове зажглись неоновые буквы: «Внешний мир», «Свобода», «Снегурочка».

Улыбка стерлась с губ Котельникова.

Он предупреждающе кашлянул:

– Любой подарок со склада.

Буквы погасли.

– Хотите платье Снежной королевы? Их выдадут сотрудникам в следующем году, а у вас платье будет уже в этом. Или сигареты? Скопился целый мешок. Бывшие курильщики обменивали на леденцы. Но я бы порекомендовал…

– Я хочу игрушку, – проговорила Саша тихо. – Плюшевого ослика Иа.

Левое веко Демьяна Романовича дернулось. Брови выгнулись домиком.

– Но… любушка моя, гм, ягодка, это ослик *другой* девочки.

Саше потребовалось усилие, чтобы вымолвить:

– Обойдется.

– Гм, – Котельников разочарованно пожевал губу, – гм… ладно. Ослик так ослик. А теперь идите работать. Скоро прибудет Хозяин.

Иа ждал Сашу в ее комнатушке. И это был волшебный Иа. Обнимая его во сне, она не видела кошмаров. А однажды ей приснилось окно, мама и папа в гостиной, и она смотрела на них, пока морозные узоры не заштриховали стекла.

В декабре склад работал ударными темпами, и за три дня до прилета Хозяина все было готово. Дирекция назначила выходной.

Сотрудники повалили из Сокровищницы. На асфальтированном пяточке посреди великой пустоши они перебрасывались снежками, лепили баб, хохотали в пепельное небо.

Саша курила у беседки, наблюдая за Полозовой. Блондин-

ка втиснула в детские санки свой соблазнительный зад. Хипстер-сисадмин и парень, который сменил пропавшую Липольц, катали ее по парковке.

Санки перевернулись, вышвырнули смеющуюся Злату в сугроб. Она лежала, разведя руки, рисуя на снегу ангела. Эффектная, как пинаповские девушки.

Накануне вывесили список лучших работников года. Саша была удивлена, обнаружив себя в числе прочих. Злату провозгласили Снегурочкой, и она съехала из комнаты под крышей.

– Кому холодненького? – крикнул заведующий и метнул снежок в затылок начальнику охраны. Тот дружелюбно погрозил Котельникову березовыми розгами.

Саша докурила и вошла в Сокровищницу.

Телевизоры транслировали «Голубой огонек». Лариса Долина пела зимнюю песенку.

Саша сняла с елки стеклянную игрушку-сосульку и спрятала ее в рукав.

Остаток дня Саша провела с осликом, и в иной компании она не нуждалась.

* * *

– Началось! Началось!

Коллеги пихали Сашу, стремясь первыми увидеть гостей. На ходу надевали шубки.

Саша за ними не пошла. Она воспользовалась запасной лестницей, ведущей к транспортникам, а из их отдела вышла на балкон. Здесь собралось десятка два служащих. Они весело гудели и делились драже M&M's. Балкон опоясывал внутреннюю стену склада, с его пятиметровой высоты открывался замечательный вид.

Температура в зале упала. Мороз покусывал Сашины ноги. С холодом пришел свет.

Раз в году поднимались гигантские створки ворот, и тьма пасовала перед льющимся из них яростным сиянием.

Гости прибыли.

По расчищенному проходу двигались вереницей Деды Морозы. Их тулупы были синими, а бороды серебристыми. Они тащили коробки к воротам, туда, где клубилось белое облако, и погрузочный пандус исчезал в его мягкой снежной пелене. Возвращались и снова хватали ящики, деловитые, как муравьи.

Инженер по стандартизации, знаток советского кино, сказал, тыча пальцем в гостей:

– Вон тот Морозко похож на актера Александра Хвылю! А тот – на Романа Филиппова. Вон Петр Никашин и Игорь Ефимов, а с фиолетовой коробкой – это же Евгений Леонов!

Коллеги его проигнорировали. Сашино внимание приковали не седобородые старички. Единственным черным пятном внизу был костюм стройного молодого человека, командующего погрузкой. Незнакомец перемещался вдоль шерен-

ги, зорко следя за работой Морозов.

– Кто это? – поинтересовалась Саша. – Брюнет в костюме?

– Погонщик, – объяснила маркетолог-аналитик Юля, – он управляет оленями и общается с нашими директорами. Что, согласись, практически одно и то же.

– А Хозяин? Он никогда не заходит в Сокровищницу?

– Никогда.

– А его хоть кто-нибудь видел?

– Только Снегурочки, – вздохнула Юля. – Новенькая Снегурочка уже ждет его на улице, но он обычно спит в санях до темноты.

Саша перегнулась через перила, забыв про короткий подол. Впрочем, желающих уделить минуту ее ножкам не было. Сотрудники завороженно любовались гостями.

К вечеру гипермаркет превратился в пустой полигон. Оголились неприглядные стены, обнажили каркас полки и стенды. На бетонном полу валялись хвосты новогоднего дождика, мишура, растоптанная омела.

Морозы закончили трудиться и внесли в Сокровищницу с десяток ящиков. Затем растаяли в белой мгле. Створки опустились.

– Шампанское, – зашушукали менеджеры.

Ожил громкоговоритель:

– Просьба лучшим работникам явиться в конференц-зал.

Избранные, перешучиваясь, потекли по лестнице. Саша замыкала шествие. Из-за плеч коллег она видела директоров,

окруживших брюнета в черном костюме.

– А это, – сказал исполнительный директор, приторно улыбаясь, – наши звездочки, цвет коллектива, его, как говорится, мотор!

Погонщик был моложе, чем казалось Саше с балкона. Лет восемнадцати-девятнадцати. Лицо жестокое, бескровное и красивое до непристойности. Он напоминал юного Алена Делона, но намного красивее, совершеннее.

Директора вручали работникам коробочки, а Погонщик молча одаривал рукопожатием.

Дошла очередь и до Саши. Мраморное запястье нежно прикоснулось к ее руке. От Погонщика пахло мандаринами. Вместо зрачков у него были завитки бенгальских огней, колючие оранжевые черточки света.

Он склонил набок голову и вдруг провел холеной пятерней по щеке Саши. Ласково, утешающе.

– Не делай этого, детка, – произнес он.

И удалился за почтительно шаркающими директорами.

Саша дотронулась до своей похолодевшей щеки.

Она подумала о переливчатых колокольчиках на дуге оленьей упряжки, о санях, бороздящих звездное небо, о солнце и луне. Она представила себя рядом с дедушкой, рядом с Хозяином. Хозяин опирается на посох и раскатисто смеется, а впереди – узкая стройная спина Погонщика. Иногда Погонщик поворачивается, чтобы подмигнуть Снегурочке…

Она знала, *что* получают непослушные дети: горох и роз-

ги, маму-алкоголичку с угольным крестом на лбу и пуговицу в глотку. Жри, не подавись, поганка.

Но скоро сани улетят.

На завтрак подадут кисель.

Склад наполнится полутьмой.

В комнате с каракулями – то ли детей, то ли приговоренных к смерти шизофреников, – она наспех переоделась. Поцеловала ослика в печальный пуговичный глаз:

– Прощай, Иа. Прости, что не могу взять тебя с собой.

Служащие праздно шатались по цеху, пили шампанское из одноразовых стаканчиков, поздравляли друг друга с удачным годом.

Саша прошла мимо, шмыгнула в коридор.

– Александра Дмитриевна?

Ее колени затряслись от страха. Магнитный ключ норовил выпасть из занемевших пальцев.

Саша оглянулась.

К ней навстречу рысцой приближался Котельников. За ним вразвалку шагал начальник охраны.

– Мне нужно побеседовать с вами, лапуля моя.

Саша отчаянно заскоблила карточкой по замку.

– Да не спешите вы, Демьян Романович, – лениво посоветовал начальник охраны, – у вас ишемия, а эта идиотка никуда не…

Дверь распахнулась, и Сашу обдало игольчатым ветром.

– Кисонька, – Котельников потянулся, чтобы поймать бег-

лянку за шиворот. Она развернулась и всадила сосульку в его горло. Основание игрушки лопнуло при ударе, но острие пронзило артерию. Из стеклянной трубки плеснула струя.

Заведующий забулькал.

Улыбка обратилась в жалкий обмылок.

Саша переступила порог и хлопнула дверьми, отсекая крики охраны.

Успеть бы, мамочка…

Вьюга кидалась на нее свирепым зверем, но она брела, уставившись под ноги, глотая ледяной песок. Как матрос, сражающийся с бурей.

В штормовом хаосе темнела высокая мачта.

Реликтовая ель.

Саша остановилась у ее корней.

Там, под ветками, что-то висело, что-то белое…

Саша сощурилась.

Снегурочка была примотана к дереву строительным скотчем. Абсолютно голая, с вызывающе выпяченной грудью, она походила на ростральную статую, но не деревянную, а изо льда и мяса.

Мертвое заиндевевшее лицо с прорубью рта, слипшиеся в сосульки волосы.

Ледяная скульптура. Замороженная еда, чтобы Хозяин питался в дороге.

Саша закричала и побежала прочь от Златы, но ветер подсек ее и бросил в сугроб.

Она заметила боковым зрением грандиозную фигуру, подпирающую собой небосвод.

– Тебя не существует! – прохрипела Саша. – Мама говорила, тебя нет!

Слезы твердели, скатываясь по щекам. Ломались хрупкие ресницы.

Саша смотрела и видела его.

Великого Старца Севера. Холодного владыку. Повелителя пурги.

Рогатого Трескуна.

Глазные яблоки Саши взорвались и брызнули ледяным крошевом, словно их выдули из черепа.

И когда через час Сашу подобрали коллеги, из ее глазниц сыпался снег.

* * *

Саша шла в темноте, ставшей для нее привычной.

Каблуки стучали по граниту.

Далеко-далеко хор детишек пел рождественский гимн «Ночь тиха, ночь свята».

Запахи Сокровищницы успокаивали.

– Куда вы меня ведете? – спросила она у рук, что поддерживали ее под локти с обеих сторон.

– Не волнуйся, Сашенька, – ответил голос справа. Она узнала Алика, оператора погрузочной машины. После слу-

чая с Липольц начальник охраны забрал его к себе. – Вас… – он откашлялся. – Вас перевели в новый отдел.

– Здорово, – улыбнулась Саша и попыталась снять с глаз повязку, но Алик помешал ей:

– Не надо, пожалуйста.

– Извини. Чешется…

– Потерпи, мы почти на месте. Вот сюда. Да, отлично.

– Алик…

– Что, милая?

– Я не курила… довольно давно. Ты не в курсе, где мои сигареты?

– Сожалею, – проговорил парень искренне, – тебе запретили курить.

– Это плохо, – она грустно покачала головой.

– Я кое-что принес тебе из твоей бывшей комнаты. Вот.

Саша нащупала мягкий короткий мех.

– Иа… Боже, спасибо…

Она уткнулась носом в игрушку.

– Что вы возитесь? – раздался низкий скрипящий голос.

– Простите, Демьян Романович, – буркнул Алик и сочувственно погладил Сашу по спине. – Тебе пора. Иди вперед и ничего не бойся.

Она кивнула.

Сделала шаг, второй.

Что-то подсказывало, что вскоре никотиновый голод исчезнет сам по себе.

Прижимая к груди ослика, будто младенца, Саша сделала третий шаг и толкнула плечами пластиковые занавески.

Дмитрий Золов. Поджелудочная

За неделю до Нового года Артем съел подозрительный гамбургер, как следует всандалил пива по случаю пятницы, а после скрючился в приступе панкреатита. До четырех часов утра он терпел и надеялся на анальгин, но потом сдался и первый раз в жизни вызвал скорую. В больнице его три дня морили голодом, ставили капельницы с соленой водичкой и пугали панкреонекрозом. За это время Артем узнал про поджелудочную железу такие вещи, о которых человеку лучше и не задумываться. Оказывается, эта приютившаяся в животе хреновина, лишь только дашь слабину, может в любой момент переварить саму себя и отправить весь организм вместе с душой, духом и что там еще есть в наличии навстречу неизвестности. Артем начал бояться смерти и до потери сознания пил полученный от медсестры регидрон.

На четвертый день ему выдали длинный список того, что ни в коем случае нельзя есть, и отправили домой. Телесно Артем чувствовал себя не очень хорошо, зато духом за время

поста воспарил до самых высот и прикидывал, что на такой вынужденной голодовке можно неплохо сэкономить и погасить ипотеку немного раньше намеченного двадцатилетнего срока. Но темная сторона его личности недоумевала: как жить без пива и подозрительных гамбургеров?

Артем вернулся в свою маленькую квартиру и решил не отмечать Новый год. Да и зачем его отмечать, если все равно ни есть, ни пить толком нельзя? Сославшись на болезнь, он отклонил приглашения друзей и впал в аскезу. Сидел на больничном, ел только овсянку, листал новостные ленты и с презрением смотрел в окно на людей, несущих елки.

В новостях писали какую-то дичь: будто бы шестьдесят два процента россиян готовы к Новому году, диетологи рекомендуют избегать майонеза, а буквально в трех остановках отсюда бродячие собаки загрызли молодую, полную сил женщину. Артему казалось, будто бы каждый год он читает одно и то же.

Наутро тридцать первого декабря запасы овсянки закончились и пришлось идти в магазин.

У входа в «Пятерочку» сидели четыре угрюмых мопса, привязанные к урне. Один из них грыз кость, а другие смотрели на него и облизывались. Мимо проходила мамаша с ребенком.

– Ав! – сказал ребенок.

– Да, собачки! – согласилась мамаша. – Смотри, какие хорошие, послушные собачки! Ждут своего хозяина!

Мопсы посмотрели на мамашу с сожалением. Двое из них зевнули, третий вздохнул, а четвертый оставил кость и кашлянул почти по-человечески. Таких странных собак, пожалуй, не каждый день встретишь.

Артем долго бродил вдоль стеллажей и никак не мог подобрать подходящее пропитание. Он разглядывал продукты, сверялся с выданным в больнице списком, и получалось, что есть ему вообще ничего нельзя, кроме овсянки и обезжиренного кефира. В итоге Артем решил, что от куска отварной курятины скорее всего не умрет, и пошел на кассу.

Первым в очереди был толстый седой дед в драной шубе. Пахло от него так, что доходило даже до Артема, хотя тот и стоял через три человека. Дед достал из корзинки пакет с какой-то коричневатой дрянью и шлепнул его на ленту кассового транспортера. Артем подумал, что вот так, наверное, выглядит поджелудочная железа.

– Что это такое? – спросила кассирша, указывая на пакет.

– Я, дочка, у тебя то же самое хотел спросить, – ласково сказал дед.

– В смысле? – не поняла кассирша.

– Ты тут продавец – вот и скажи, что это за штука.

– Вы сами не знаете, что покупаете?

– А ты, выходит, не знаешь, что продаешь.

Кассирша брезгливо подняла пакет двумя пальцами. Несколько бурых капель упали на ленту транспортера. Артему показалось, что коричневатое месиво в пакете зашеве-

лилось.

– Вы где это взяли? – поморщившись, спросила кассирша.

– Там, в углу.

Дед неопределенно махнул в сторону холодильников с йогуртами.

– А почему не взвесили? Видите же, что это весовой товар.

– Как же я взвешу, если не знаю, что это такое?

Недовольная заминкой очередь начала выказывать раздражение.

– А я что должна сделать?! – воскликнула кассирша в ответ на возмущенные возгласы. – Видите же, с товаром никак не разберемся.

Очередь поспешила ей на помощь.

– Кажется, это вымя… Соевый творог… Сыр с плесенью… Просрочка какая-то, – посыпались подсказки.

– Да что я, вымени, по-вашему, не видела, – беспомощно вздохнула кассирша.

– А вы развяжите пакет и понюхайте, – посоветовал интеллигентного вида мужчина.

– Не буду я это нюхать! – замотала головой кассирша, а потом обратилась к деду: – Извините, но я это пробить не могу. Оставьте товар на кассе.

– Нет, дочка. Так не пойдет. Раз уж тут магазин, ты мне должна товар отпустить. Иначе я на тебя жаловаться буду, – заупрямился дед.

– Так жалуйтесь! Пусть меня уволят! Вы думаете, мне эта работа нравится? Вы сейчас по домам пойдете оливье резать, а мне тут до десяти сидеть!

У проблемной кассы возникла строгая женщина с надписью «администратор» на бейджике.

– Что случилось? – спросила она.

Кассирша тут же сникла и виноватым голосом поведала о злосчастном пакете. Администратор склонила голову набок, задумчиво посмотрела на коричневатое месиво, как художник на натурщицу, изрекла: «Пробей как рыбные палочки», – и удалилась деловой походкой.

Дед расплатился, спрятал чек в карман и направился к выходу, оставляя за собой дорожку из бурых капель, срывавшихся с гадкого пакета. Кассирша тщательно вытерла лужицу с транспортера, и очередь, наконец-то, двинулась с места.

Когда Артему пробивали курятину, к кассирше подошел охранник и тихо сказал:

– Я посмотрел по камерам – дед уже с пакетом к нам зашел. Так что эта фигня не из нашего магазина.

– И почему все сумасшедшие у нас отовариваются, как будто «Магнита» через дорогу нет? – посетовала кассирша.

Когда Артем вышел из магазина, ни деда, ни мопсов на улице не было.

* * *

Артем поставил кастрюлю с курицей на плиту и подумал о холодном пиве. Он потыкал пальцем в левый бок, пытаясь отыскать предавшую его поджелудочную железу. Жизнь впереди намечалась безрадостная.

Перед едой Артем принял ферменты, после еды проверил, нет ли в моче ацетона. Тест-полоска слегка окрасилась, и Артем принялся разводить регидрон.

До вечера он монтировал новый ролик. В последнее время из-за болезни Артем спал беспокойно, бормотал во сне какую-то дичь, поэтому материал набирался быстро и число просмотров росло.

Сегодняшняя запись порадовала. Особенно то место, где он стонал и что-то просил у Деда Мороза. Очень по-новогоднему вышло – как раз ко времени. Конечно, народу лучше заходили моменты с пикантными снами, но в ближайшее время расстроенный организм вряд ли на них расщедрится.

Всего ночной возни набралось на полных пятнадцать минут. В половине одиннадцатого Артем выложил ролик в сеть и, не дожидаясь отзывов, начал готовиться ко сну.

Он включил камеру, настроил освещение и забрался под одеяло. Когда все вокруг предвкушали веселье и с любовью посматривали на запасы фейерверков, один Артем собирался спать. В этом ему виделось что-то лермонтовское, некий

протест и вызов обществу. Завтрашний ролик обещал быть наполненным скрытым смыслом, разглядеть который сможет не каждый. Артем понимал, что занимается ерундой, но и ерунду он стремился делать с подтекстом.

К тому моменту, когда пьяные люди высыпали на улицу и по городу прокатилась праздничная канонада, Артем уже успел достичь фазы быстрого сна.

Пробудился он полным сил. Ацетон в моче отсутствовал, и бодрость била через край. Вот только пахло в квартире нехорошо – похоже, с канализацией непорядок. Артем открыл окно.

Зима была хлипкая, почти без снега и морозов. Артем некоторое время смотрел на пустую улицу и со злорадством думал, что сейчас все эти салютчики, должно быть, спят без задних ног и скоро будут мучиться похмельем. Наверное, он один во всем городе в шесть утра был похож на человека.

От таких мыслей Артему захотелось немедленно действовать и чего-то добиваться. Он включил компьютер, зашел на страничку со вчерашним роликом. Просмотров было мало, а комментарии, в основном, носили оскорбительный характер. По опыту Артем знал, что это хорошо. Если ругаются, значит зацепило. А просмотры позже наберутся, когда народ продерет глаза после пьянки. Не откладывая дело в долгий ящик, Артем принялся просматривать сегодняшнюю запись.

Первые полтора часа были вялыми. Потом за окном начали бухать фейерверки. На первом взрыве Артем на мони-

торе проснулся, сел на кровати, отчетливо произнес: «Севастополь не сдастся без боя!» – и снова завалился на подушку. Годный кусок. Политически подкованные граждане в комментариях на говно изойдут.

Артем с любовью вырезал фрагмент и двинулся дальше. Долго не происходило ничего интересного. Артем на мониторе лежал, как покойник, и не шевелился. Это печалило. Ролик с Севастополем хотелось выложить поскорее, а для этого надо добрать материала хотя бы минут на десять. Артем прокручивал видео и уговаривал своего экранного двойника хотя бы пернуть во сне. Но разве тут пернешь, если строго придерживаешься стола номер пять по Певзнеру? Вот в прежние времена, когда пиво не было под запретом…

С горькой ухмылкой Артем припомнил, сколько лайков собрал благодаря двум особенно протяжным трелям. Да. Вот тогда был подтекст так подтекст! Он отвлекся от изображения на мониторе, размышляя о роли пищеварения в искусстве. Вдруг прозвучал щелчок открывающегося замка. Артем вздрогнул. Ключей от его квартиры ни у кого не было. Он бросился было в коридор, но тут понял, что звук идет вовсе не оттуда, а из динамиков компьютера. Артем уставился на монитор, вытаращив глаза.

«Пум-пум-пум. Пум-пум-пум», – доносилось из динамиков. Раздались шаркающие шаги, и в комнате на экране появился толстый дед, тот самый, которого Артем видел в магазине. Только теперь у старика была длинная белая борода,

а в руках он держал мешок. Следом за ним, тяжело дыша, плелись четыре знакомых мопса.

Дед подал собакам знак, подняв палец кверху, – те тотчас уселись. Старик протопал на середину комнаты и принялся разглядывать спящего Артема. «Пум-пум-пум», – сказал дед, положил мешок на пол и достал оттуда маленький сверток. Он подошел к Артему, пальцем приподнял веко спящему, взял щепотку порошка из свертка и насыпал прямо в глаз. Артем фыркнул, промычал что-то, но не проснулся. Дед проделал то же со вторым глазом, после чего уселся на стул, достал из кармана пластмассовый будильник и принялся смотреть на стрелки.

Ровно через полчаса он встал, вынул из мешка филейный нож, сбросил с Артема одеяло, задрал на нем майку и начал приглядываться к животу. «Пум-пум-пум», – сказал дед и сделал длинный надрез чуть ниже ребер. Мопсы повеселели и принялись облизываться.

Артем на мониторе даже не пошевелился, а тот Артем, что смотрел на все это, охнул и схватился за живот. Потом поднял майку и уставился на место, куда на записи вошел нож. На коже не было ни царапины.

Тем временем дед достал из мешка знакомый пакет, повозился в коричневатом месиве и вытащил нечто, похожее на червяка длиной со спичечный коробок. Червяк вяло подергивал хвостиком. Дед поплевал на него, как перед рыбалкой, и засунул Артему в живот, запустив в разрез руку по

запястье. Старик покопался в кишках, вытащил оттуда какой-то ошметок и небрежно швырнул на пол, где его тотчас подобрал самый проворный мопс. Дед вытер ладонь о полу шубы и принялся ковыряться в носу. Отыскав что-то в ноздре, помазал этим рану на животе Артема, и та немедленно стала затягиваться.

Старикан полюбовался на результаты своего труда, сложил в мешок нож и пакет и собрался было уходить, но тут остановился и снова посмотрел на спящего Артема.

«Вот так напасть! Уф-уф-уф!» – выдохнул дед, почесывая в паху. Он снял накладную бороду, вернулся к кровати и перевернул Артема на живот, потом задрал полы шубы и принялся развязывать веревочку, на которой держались штаны, похрюкивая при этом, как одышливый боров.

Мопсы пришли в волнение, начали перебирать лапками. Дед справился с веревочкой и погрозил собакам. Мопсы послушно отвернулись.

Артем предпочел не смотреть, что произошло дальше. Он перемотал запись до того места, где дед заботливо укрыл его одеялом, поцеловал в губы и, весело напевая «Пам-пам-пам», покинул квартиру. Мопсы удалились за ним.

Артем впал в ступор и сидел, не шевелясь, минут десять. Потом он произнес: «Вот тебе и Севастополь!» – несколько раз сплюнул прямо на пол и пошел в душ.

Через полчаса к Артему вернулась способность соображать. Он тщательно изучил дверной замок на предмет взло-

ма, осмотрел пол, нашел что-то похожее на собачьи следы и решил звонить в полицию, однако тут же передумал. Все-таки есть вещи, о которых лучше никому не рассказывать и забыть их как страшный сон. С этой мыслью Артем удалил запись, не пожалев даже фрагмента про Севастополь.

Однако вскоре он понял, что совсем все забыть не получится, поскольку сумасшедший дед запихал ему в брюхо какого-то червяка, и это нельзя пускать на самотек. Мало ли что из червяка вырастет! Артем второй раз в жизни вызвал скорую.

Врачам он наплел про очередной приступ панкреатита. Медики смотрели на него с осуждением: мол, что ж ты, раздолбай, не мог хотя бы неделю на диете посидеть. Понятно, что Новый год, но здоровье-то потом не вернешь. Все же в больницу Артема отвезли.

По случаю праздников врача ультразвуковой диагностики не месте не оказалось, и на УЗИ Артема отправили только на четвертый день, а до этого морили голодом и ставили капельницы с соленой водичкой. Артем терпел. О засунутом в живот червяке он решил не заикаться – слишком уж странным выглядело бы такое утверждение. Пусть врачи сами увидят и назначат лечение.

– Шикарно! – сказал доктор, закончив водить по животу трансдьюсером.

Артем не разделял его радости.

– Вашу поджелудочную можно показывать на выставке, –

продолжал доктор. – Кто, интересно, поставил вам хронический панкреатит?

– А кроме поджелудочной вы ничего там странного не видите? – осторожно спросил Артем.

– Что, например?

Артем собрался с духом и проговорил:

– Червяка.

– Вы гельминтов имеете в виду? – спросил доктор. – Нет, я ничего похожего не обнаружил. Но, если есть сомнения, лучше сдать анализ кала.

– Это не такой червяк, – прошептал Артем. – Он сантиметров пять в длину. Его засунули прямо в живот. Вы должны были его увидеть.

– Прямо в живот, – повторил доктор, потирая переносицу. – И как же его засунули?

– Разрезали вот здесь, – Артем провел ладонью под ребрами, – и запихали.

Доктор посмотрел на гладкую кожу на животе пациента и нахмурился.

– Давно это случилось?

– Четыре дня назад.

– Хорошо, – кивнул доктор. – Вы пока вытирайте гель и посидите в коридоре, а я приглашу специалиста по червям.

Специалист по червям с двумя санитарами прибыл часа через три. Он побеседовал с врачом ультразвуковой диагностики за закрытой дверью, а потом приступился к Артему с

расспросами: как вдруг червь оказался в животе и не было ли до этого у пациента травм головы. Артем сразу понял, что имеет дело с психиатром. Этого он и опасался. Но теперь отступать было уже некуда.

Вопросики с подковыркой вывели Артема из себя. Он заявил, что ни в грош не ставит современную медицину, которая не способна разглядеть в животе червяка. Сказал, что, если никто не собирается ничего делать, он сам при помощи ножа и пинцета достанет долбаного паразита и потом не будет платить налоги, раз на них содержат тупоголовых профанов. После этих слов санитары по знаку доктора взяли Артема под руки и проводили к специальной машине. Кажется, высказывания относительно налогов окончательно убедили психиатра в необходимости таких мер. Артем кричал, что он всем докажет свою правоту, что стертый файл легко восстановить, но его не слушали.

* * *

В лечебнице Артема держали долго и выпустили за неделю до Нового года. Все это время у него и намека не было на проблемы с поджелудочной железой. Артем сдружился с персоналом и пациентами и перед выпиской прощался со всеми, как с родными. Он решил, что в психиатрической клинике не так уж и плохо, особенно когда колют реланиум. Жаль только, что ему не разрешали снимать, как он спит, и

не давали доступа к Интернету. Это были бы бомбические ролики. А теперь, конечно, канал заглох, и немногочисленные подписчики разбежались. Стоило ли начинать это дело заново? Артем пока не решил.

Нельзя сказать, что червяк его больше не волновал. Однако Артем приучил себя не тыкать постоянно пальцами в живот, пытаясь нащупать паразита, потому что врачи такое поведение не одобряли. Впрочем, нащупать все равно ничего не удавалось, а организм работал отменно.

В этом году зима выдалась суровой. Артем зазяб, пока ждал маршрутку. Дома он первым делом перевел деньги за Интернет и убедился, что на канале не осталось ни одного подписчика. Погрустив немного о печальной судьбе своего детища, Артем принялся листать новостные ленты. Писали там какую-то дичь: будто бы спрос на отдых в Абхазии вырос в два раза, шпроты полны канцерогенов, а в пяти кварталах отсюда бродячие собаки загрызли кандидата в мастера спорта по стрельбе из лука. Артему показалось, будто бы он каждый год читает одно и то же. Из любопытства он полез в подборки новостей предыдущих лет.

Заметки конца декабря в общем-то не сильно отличались друг от друга, но одна повторялась с подозрительной регулярностью. Из года в год в городе в одно и то же время бродячие собаки непременно грызли кого-нибудь насмерть. Артем полазил по сайтам и отыскал фотографии пострадавших. У всех животы были выпотрошены и вывернуты чуть ли не

наизнанку. Странное совпадение, над которым следовало бы поразмыслить. Однако Артем проголодался. Дома есть было нечего, и пришлось идти в магазин.

По дороге Артем снова встретил вонючего деда с мопсами. Тот шел к магазину с пакетиком в одной руке и с четырьмя поводками в другой. Артем догнал его и схватил за рукав.

– А ну стой, сволочь! Рассказывай, что за дрянь ты мне подсадил!

Дед, кажется, не сильно удивился такому нападению. Мопсы тоже восприняли его спокойно.

– Не подсадил, а подарил, – сказал дед. – И не дрянь, а новую поджелудочную железу, как ты, сынок, и просил. Ты ведь хорошо себя вел в том году. По крайней мере, в последнюю неделю. Водку не пил, по бабам не шлялся – вот и заслужил. Кто хорошо себя ведет, тому я приношу подарки, а плохишей наказываю.

– Хорошенький подарок! – закричал Артем, но потом испугался, как бы не услышали санитары, и заговорил шепотом. – Ты где вообще взял поджелудочную железу?

Артем посмотрел на мопсов. Ему показалось, что курносые морды собак испачканы в чем-то буром, и тут его посетила страшная догадка.

– Ты где взял железу?! – тихо повторил Артем. – Где ты берешь свои подарки? Шавки из людей выдирают?

Мопсы в недоумении переглянулись.

– Как где беру? – удивился дед. – Покупаю, конечно. Вот

на твою железу у меня и чек есть.

Он достал из кармана толстую пачку чеков, отыскал среди них нужный, с рыбными палочками, и предъявил Артему. Тот понял коварство старика. Но не это его волновало больше всего.

– Ладно, поджелудочная. А потом что такое было?! Кто разрешал со мной это делать?! – спросил Артем, едва удерживаясь от крика.

Мопсы заволновались, а дед смущенно кашлянул в кулак и проговорил:

– Об этом, сынок, не надо никому рассказывать. Могут быть у старика свои слабости. Кстати, в этом году ты вел себя еще лучше. Вот я и думаю, что бы такое тебе подарить.

– Пошел на хер, старый хрыч! – завопил Артем, позабыв про санитаров. – Близко к моей двери не подходи, пидарюга! Я спать не буду! С ножом буду караулить, понял?!

– Как же не спать? Конечно, надо спать, – засмеялся дед. – А если не спится, так и песок специальный для этого есть.

Артем не сдержался. Он врезал по этой мерзкой хохочущей морде. Дед упал, и Артем начал пинать его, целясь в левый бок, а мопсы радостно прыгали вокруг.

– Вот тебе поджелудочная! – повторял Артем.

Кто-то поднял крик. Приехали полицейские и оттащили Артема от старика.

– Его держите! – вопил Артем в исступлении. – Это он мне червяка подсадил! Он на людей собак травит! Еще он

меня трахнул, пока я спал! Посмотрите, что у него в пакете! Там поджелудочная железа!

В пакете у деда оказалась бутылка кефира. Скоро приехала санитарная машина и забрала Артема.

– Уф-уф-уф, – вздыхал дед, разговаривая с врачами. – Да. У него и раньше срывы бывали, и вот – опять. А в какую больницу вы его повезете? Ведь скоро Новый год. Хорошо бы навестить бедолагу на праздник.

– Не говорите! Не говорите ему! – кричал Артем, но на него никто не обращал внимания.

Дед достал карандаш, записал адрес больницы на оборотной стороне чека за рыбные палочки и пошел к магазину, напевая: «Пум-пум-пум. Пум-пум-пум». Мопсы вразвалку бежали следом и похрюкивали в предвкушении праздника.

Сергей Королев. Темный мрачный бес моей души

Ведунья сказала Коваржу, что он не доживет до Нового года. Именно так. Он ее, добрая душа, пожалел, в мороз на дороге подобрал, пообещал до города подбросить, денег не просить, натурой не брать. А она? Сука плюгавая, все настроение испортила. Дотронулась до его руки, побелела, чуть на ходу из кабины не выскочила, прокричала, что «не дожить Коваржу и до полуночи», а через секунду уже улепетывала по сугробам, дура…

Последний день уходящего две тысячи девятнадцатого растворялся быстрее, чем шипучка в стакане. Черный костлявый лес вгонял в тоску, откуда не удавалось вынырнуть. Коварж заглушал ее громкой музыкой, выкуривал едким запахом сигарет. Не получалось. То и дело чудилось, что по черному зимнему лесу бежит такая же черная смерть, выглядывает из-за деревьев, только и ждет, когда он отвлечется, тогда нападет…

Груженная кондиционерами фура, кряхтя, добрых пять минут забиралась в горку. Всем своим скрипом и скрежетом как бы давала понять, что «ты, мил водитель, и к ночи не доберешься до места разгрузки, будешь встречать Новый год на дороге, если доживешь до него, конечно, а-ха-ха».

– Да ну ползи ты уже, кобыла старая, – ругнулся Коварж, газуя.

Старенький, времен Ельцина, КамАЗ таки одолел долгий подъем. Фыркнул, как уставший конь, веселее покатил с горки. Лес кончился, сменился бескрайними полями, укрытыми таким же бескрайним снежным покрывалом, девственно-чистым, белым. Ни деревень, ни заправок, ни кафешек, что вырастают пульсирующими нарывами на обочинах дорог, границе дикого, какого-то мистического мира, который тысячелетиями существует параллельно цивилизации, где яркий электрический свет отгоняет тьму, а теплые батареи и обогреватели отгоняют зверский холод. И до жути, до боли в зубах не хотелось встречать праздник там, где правят тьма и холод, где бродят неведомые твари, ищут, кого бы утащить в свои вековые норы…

Коварж включил рацию. Поморщился, услышав неприятный треск. Сбавив скорость, спросил:

– Ну че, народ, кто где праздник встречает? Есть поблизости теремочки?

Рация ответила шипением, точно пыталась говорить с ним на змеином языке. Коварж краем глаза зацепился за до-

рожный указатель с названием какой-то деревеньки, уже затормозил, но тут ожила рация:

– Здоров будь, путник! Че, не с кем встречать? Подваливай! Мы на семисотом километре! Кафе «Транзит». Будешь нашим королем!

Коварж улыбнулся. Тоска, давившая на затылок, отступила в первый раз за день. Даже легче дышать стало.

– Принял, земеля! Добро! Ждите через полчасика Деда Мороза!

– Со Снегурочкой? – поинтересовался из рации хриплый голос.

– Если на дороге встречу, то Снегурочку привезу, – хохотнул Коварж, и тоска окончательно отступила.

Деревенька, которую он проехал, звалась, кажется, Болячка. Дорога туда была совсем заметена. Поваленные заборы да редкие сараи не вызывали желания ночевать в Болячке. Нет, лучше уж с дальнобоями ночь провести, под шум старых радиоприемников, запах дешевой водки и вкус мороженых мандаринов. Дорожная романтика, мать ее.

– Кафе «Транзит», кафе «Транзит», – повторил Коварж, словно пробуя название на вкус. – Примет, накормит, усыпит. Кафе… «Транзит»… для дальнобойщиков магнит.

Бывал он там, ночевал пару раз. В лихие девяностые в «Транзите» обитала какая-то бандитская группировка, забивала там стрелки, разбивала головы. В нулевые в «Транзите» стали подавать самые вкусные чебуреки и самый крепкий

кофе. Еще там была большая стоянка и большая коллекция компакт-дисков, привет из прошлого десятилетия, когда сам Коварж еще был женат и литр бензина стоил десять рублей с копейками…

Решено. Новый год встречать в «Транзите». Дорогу туда Коварж помнил, хоть и смутно. Съехать с трассы вправо, метров пятьсот по убитой фурами дороге. А там кафе.

Пока добрался до нужного поворота, уже стемнело. Лес, и днем не особо живописный, сейчас стал вовсе жутким. Чахлые деревья в сумерках напоминали похоронную процессию, что погребала старый год, готовилась умереть вместе с ним же. Изредка мелькали старые памятники: черные кресты, ржавые оградки. Тут разбился тот-то, здесь замерз такой-то.

Вновь тоска шевельнулась внутри, поскреблась противно в животе. Коварж заглушил ее музыкой, залил сладким чаем и поторопился в «Транзит», где чебуреки, кофе, стоянка, шумная компания.

Только раз за всю дорогу ему попалась навстречу старенькая иномарка. «Тойота», наверное. Значка на капоте не успел разглядеть. Иномарка моргнула фарами, Коварж моргнул в ответ.

– И тебя с Новым годом, – сказал он, провожая иномарку в заднее зеркало, – и тебя…

«Транзит», спрятавшийся от шума и пыли федеральной трассы, в самом деле напоминал сказочный теремок, двухэтажный за́мок из бревен, украшенный наличниками, с

огромным крыльцом, здесь днем и ночью пили кофе и курили сонные водители. Окна кафе светились разноцветными огоньками, на пятачке перед крыльцом даже стояла наряженная елка. Только Деда Мороза не хватало.

На стоянке чуть сбоку Коварж насчитал три фуры, два брата КамАЗа и один «рено», отчего-то навевавший мысли о фильмах про трансформеров.

Паренек в оранжевом жилете спустился с крыльца, показал на свободное место между КамАЗом и «рено». Паркуйся, мол.

– Спасибо тебе, мил человек, – ухмыльнулся Коварж.

Припарковался. Пошарил в спальнике, достал кулек с шоколадными конфетами, бутылку коньяка, подаренную кем-то из заказчиков. Вздохнул, добавил в «гуманитарный пакет» два «Доширака».

На полноценные подарки это все, конечно, не тянуло, но если с юмором преподнести, то народ оценит. Хотел еще старенькие солнцезащитные очки к «подаркам» добавить, но не стал, лучше старьем не позориться.

На улице было свежо и ветрено, пахло жженой резиной и костром. От последнего рот наполнился слюной, в животе заурчало.

– С наступающим, повелитель стоянок! – крикнул Коварж парню в оранжевом жилете, который оказался молоденьким якутом. – Сколько ночь у вас стоит, напомни?

Тот сверкнул золотым зубом, отмахнулся.

– Бесплатный сегодня, хозяин так велел. Но если кофием угостишь, буду сильно доволен.

– Угощу, – хмыкнул Коварж. – И кофием, и коньячком.

Поднялся на крыльцо. Отсалютовал двум лобастым богатырям, курившим у дверей.

– Здравствуйте, детишки! Хорошо себя вели? А я к вам с пода… Морозов, бляха, ты?

– Целиком из говноты, – ответил первый богатырь с подбитым глазом, дыхнув перегаром, полез обниматься. – Ты хулио тут забыл, Редиска?

Коварж, которого Редиской звали исключительно близкие друзья, недовольно крякнул.

– Радик Назимович, попрошу. Под Челнами в метель попал, пробку длиной с эти самые Челны выстоял. Полдня коту под хвост. Думал, к ночи успею, но на трассе еще в один пробарь попал. Вот и встречаю Новый год у того самого кота под хвостом.

– Ссаться-не пересраться, – был ответ Морозова, после чего последовало знакомство со вторым богатырем.

– Димыч, – скромно представился тот, пожал руку Коваржу. – Имел удовольствие общаться с вами по рации.

Сам при этом смотрел не в глаза, а куда-то в сторону. Прямо нерешительный студент на первом свидании.

– Ну, весело-весело с вами, – поддел их Морозов. – Оборжешься. Внутрь пошли, что ли, проводим старый подлый год. Якутенок, идешь с нами?

Молодчик в оранжевом жилете обещал подойти позже.

– Много народу здесь? – поинтересовался Коварж.

– Не, – Морозов загасил окурок, открыл дверь в маленькие сени. – Хозяин с женой. Зовут Олег. Жену, бляха, не помню…

– Ирка, – подсказал Димыч и тут же покраснел, будто при родителях выругался.

– Верняк, – кивнул Морозов. – Еще один КамАЗист, Рыков. Баба с ним какая-то. И мы, три богатыря, у каждого по пол ху…

Вот, казалось бы, много в стране дорог. А дураков еще больше. Но так сложилось, что за недолгую карьеру дальнобойщика Коварж почти в каждом рейсе пересекался с весельчаком Морозовым. В кафе, на стоянках, на дорогах, даже в больших городах. Морозов при встрече часто шутил, что у него много клонов, хороших и не очень. Главное, не встречаться с ними в полночь, предупреждал весельчак, начиная при этом подвывать…

Внутри кафе было жарко, даже душновато. Небольшая плазма на стене показывала приключения Шурика, из-за помех на экране комичный персонаж походил на привидение. Рядом, за стойкой, суетилась та самая Ирка, немолодая, некрасивая, с какими-то мужскими чертами лица и серыми усиками над губой.

– С наступающим, – соблюдая приличия, улыбнулся ей Коварж.

– И вас, – улыбнулась она. – Всем гостям сегодня небольшой подарок…

– Чебурек? – обрадовался Коварж.

Та виновато развела руками.

– Чебуреков нет, мясо кончилось. Сосиска в тесте и кофе.

– И на том спасибо. Пока лучший подарок за сегодня. А это вам…

Выложил на стойку конфеты. Заглянул в зал, где за столиком в углу сидел, видимо, КамАЗист Рыков, а с ним…

– Да ну нахер, – выругался Коварж, узнав плюгавую суку.

Ведунья, мать ее.

«Ты до полуночи не доживешь, я с тобой не поеду…»

– Ты чего? – насторожился Морозов, а стоящий рядом Димыч опять покраснел.

– Девка, – пробормотал Коварж, – днем подвозил. Ущербная… заявила, что сдохну сегодня…

– Кто? – хохотнул Морозов. – Экстрасекша? Не смеши! Идем, заново, по всем приличиям, с ней познакомлю!

И, не дав опомниться, потянул Коваржа к столу.

– Дамы и господа! – пробасил Морозов, шутливо раскланиваясь. – Действие второе! Те же и Радик Назимович Коварж!

Так же шутливо захлопал сам себе. Обратился к ведунье:

– Слышал, что вы уже знакомы. Это замечательно!

Та вскочила на ноги, загородилась стулом.

– Преследуешь меня, урод? Сказала же, что не хочу с то-

бой…

Настроение, как стрелка спидометра, упало до нуля. И злость, и досада – за долю секунды это все перемешалось у Коваржа внутри, а теперь грозилось вырваться наружу. И только Морозов, замахавший руками, остановил извержение внутреннего «вулкана».

– Так, стоп-стоп-стоп. Это не дело, это неправильно! Радик, скажи мне… Радик, эй! Слышишь меня?

– Чего? – Коварж не отрывал взгляда от напуганной ведуньи.

– Радик! Ты умирать собираешься сегодня?

– Чего? – не понял Коварж.

– Вот же заладил, как попугай, просто скажи «нет». Не собираюсь сегодня умирать. Скажи…

– Нет, – сказал Коварж, – не собираюсь сегодня умирать.

– И убивать никого не собираюсь, – продолжил Морозов.

– И убивать никого, – повторил Коварж, – не собираюсь.

Плюгавая сука, похожая на испуганную крысу, так и стояла, прикрывалась стулом. По лицу ее, сплошь покрытому прыщами, пробегало то недоумение, то злоба, то страх. Прямо «охота на ведьм, наши дни».

– Так, – повертелся на месте Морозов, взял со стола салфетку, замахал ею, как белым флагом. – Вас, душа моя, как по паспорту…

– Не ваше дело, – прошипела ведунья.

Но КамАЗист Рыков, равнодушно наблюдавший за дра-

матичной сценой, громко икнул и выдал ведунью:

– Зинаида она, как у Шурика в кине.

Ведунья уронила стул, за несколько метров обошла Коваржа и Морозова. Последний пошутил:

– Мы так-то не кусаемся.

Но Зинаида шутки не оценила. Ткнула в Коваржа пальцем:

– Чтобы не подходил ко мне. Я знаю, что ты семью свою убил…

А Коваржа как по голове ударили. Ноги сделались ватными, и где-то глубоко-глубоко будто бы раскрылась старая рана, а оттуда потекло нечто мерзкое, дурно пахнущее…

– Сука, – прохрипел он. – Сука-а-а… никого я не убивал… зимой гололед… а там фура… вот и разбился… их насмерть, а мусора, твари…

Голос предательски дрогнул, так же предательски зародилась под глазом одинокая слеза.

– Старик, – заботливо усадил его Морозов, – старик, выкинь ее из головы. Она с какого-то тэвэшного проекта вылетела, домой перлась без денег, попутками. Там ее, на проекте, помоями облили, вот она и… отыгрывается. На нас. Забей, говорю тебе. Рыков, еба, наливай!

Рыков хрюкнул, разлил по стопкам коньяк.

– О-от так, – одобрил Морозов. – Я не ведун, но чувствую, что коросту у тебя в душе сковырнули. Надо про… дезинфици-ро-вать, именно так.

– Мне утром за руль, – запротестовал Коварж, свою стопку отодвинул. – До обеда эти сраные кондеи должны быть на складе.

– Будут, – успокоил его Морозов. – Я тебя напиваться не заставляю. Прими как лекарство, для успокоения нервов. Димыч, еба, не маячь, сядь с нами уже.

Димыч что-то пробормотал про «полночь» и «дожить». Видимо, слова поддержки выразил. Похлопал Коваржа по плечу. Рядом сел. В уголке ненавязчиво играла магнитолка, из колонок лился «Тихий огонек моей души». Морозов сказал тост за уходящий, звонко чокнулись, выпили.

– Легче стало? – поинтересовался Рыков.

– Немного, – соврал Коварж.

У самого мысли крутились вокруг обледенелой трассы, холодной ночи, старенькой «десятки», огромной фуры, удара и боли-боли-боли, долгой, нескончаемой. Такая не уходит, остается в тебе неизлечимой опухолью и мучает долгими зимними вечерами, душными бессонными ночами. Не хотел он смерти жены. Тем более сына. Если бы мог, отмотал годы, оставил родных, но убил себя. Только нельзя…

– Вторую наливай, – велел заклевавшему носом Рыкову Морозов. – Хорошего лекарства много не бывает.

– Не спи, – улыбнулся Димыч, опять же покраснев, – уснешь и будешь лунатить.

При этом похлопал Рыкова по руке, чтобы много не наливал.

Тут и хозяин подоспел, запыхавшийся щекастый Олег. Лысый, как тот физрук из сериала, бровастый, как генсек времен застоя. Увидел, что пьют без него, как будто расстроился, велел жене принести еще коньяка, запеченной картошки, фирменного оливье.

– Вы про ведунью Зину даже не вспоминайте, – сказал Коваржу хозяин Олег. – Мы определили ее на второй этаж, пусть там свой Новый год встречает. Ни вас, ни нас не потревожит.

Коварж хотел ответить, что никто его и не тревожит. Но решил не оправдываться, не любил он это дело.

Вторую выпили уже за подступающий две тысячи двадцатый. Тост говорил Димыч, раза три при этом запнулся, столько же раз покраснел, задвинул Морозову про злость, его «эмоциональную переменчивость». Видимо, тоже что-то пожелать пытался, но до конца мысль не сформулировал, хлопнул Морозова по спине, чокнулся со всеми, половину своей стопки разлил, совсем чуток отпил.

– Ай, хорошо, – выпив, крякнул Морозов, наложил себе картошки. – Я, чесгря, третий или четвертый год подряд в дороге встречаю. Традиция, эбать!

– Бежите от кого-то? – пошутил хозяин Олег.

– Кто? Я? – возмутился здоровяк. – Это жизнь от меня бежит, а я упорно догоняю, беру от нее, так сказать, полный пакет со всеми бонусами и казбеками… фу ты, заговариваюсь, с кэшбэками, во!

– Хорошо это, хорошо, – одобрил хозяин, еще коньяка разлил.

Но Морозов предпочел не спешить.

– Душно тут у вас, надо бы проветриться, – поднялся, легонько пихнул Коваржа, – пошли, Редиска, покурим. А то совсем в тепле раскис.

– А пошли.

Оставаться с незнакомой компанией не хотелось. Окосевший Рыков смотрел на Коваржа с подозрением. Хозяин Олег, напротив, как-то с хитрецой поглядывал, точно обмануть хотел…

На улице уже хозяйничала ночь. Большой горстью рассыпала по небу бриллиантовых крошек, спрятала за черной бархатной занавеской и лес, и дорогу, и весь мир.

– Не люблю Новый год, – признался Коварж.

– Это ты зря, – вздохнул Морозов, угощая его сигаретой. – Я знаю, что у тебя с домашними, того, случилось.

– Херня случилась, – буркнул Коварж.

Не хотел он про нее говорить.

– Никому такой херни не пожелаю, – продолжил упертый Морозов. – Но вот что скажу тебе, Радька. Если ты жив остался, если ходишь по земле-матушке, значит, это неспроста. Я вот в богов всяких и чертей не верю, считаю, что опиум для народа, все дела… я верю во Вселенную, которая энергией и жизнью заправляет, просто так ее, жизнь эту, никому не дает.

– Ты это к чему? – не выдержал Коварж. – Покороче давай.

– Легко. Если ты живой остался, значит, это кому-нибудь нужно.

– И? Что с того?

– Докажи, что не зря остался землю топтать. Не мне, не Вселенной, себе докажи. Твори добро, как завещал товарищ Шура.

– Зарплату сиротам отдавать, что ли? – ехидно спросил Коварж. – Лечить котят и собачат?

– Как угодно, – ничуть не обиделся Морозов. – Главное, не кисни, как трудовик после запоя… тихо! Слышишь, кто-то едет сюда.

Кто-то и вправду ехал. Свет фар разрезал темноту, высветил дорогу, неказистую вывеску. Через секунду возле кафе появилась легковушка. Та самая иномарка, что по пути сюда моргала фарами Коваржу.

– Еще гости? – удивился Морозов. – Совсем тесно в теремочке будет.

– Ставлю десятку, что заблудились, – заверил Коварж.

И не ошибся. «Тойота» (теперь он разглядел марку) припарковалась у крыльца, из машины выбрался молодой паренек, бородатый и очкастый.

– Мужики, с наступающим, – чуть смущенно улыбнулся он. – Подскажите, тут должен быть поселок. Коттеджный. Новый совсем. Час уже ищем, а найти не можем…

– Я только деревню по дороге сюда видел, – напряг память

Коварж. – А поселка… нового… не видел.

– На навигаторах его нет, – развел руками бородатый паренек. – Болячку эту проезжали. Блин, времени уже…

– Слушай, – спохватился Морозов, – а там же за Болячкой что-то строилось. Коттеджи наверняка. Да-да, вспомнил! Мужики говорили, что там шишки местные дачи себе выстраивали…

Из машины выскочил маленький совсем мальчонка, следом за ним девушка, даже в огромном пуховике стройная, красивая. Что-то прошептала на ухо бородатому парню, по дальнобойщикам едва мазнула взглядом.

– Мужики, тут же есть туалет? – спросил бородатый.

– Внутри, – показал на двери Морозов. – За стойкой спросите, вам покажут.

Девушка взяла мальчонку за руку, повела в кафе. Когда она проходила мимо Коваржа, тот зачем-то буркнул «здрасьте», девушка улыбнулась в ответ, поздравила с наступающим. От одной ее улыбки, доброй и настоящей, словно затянулись все раны, поднялось настроение, захотелось сесть за руль и ехать день, два, даже три без остановки… А еще от нее пахло чем-то шоколадным, вкусным.

– Якутенок! – позвал Морозов снующего между машинами парня в жилете. – Подь сюды! Ты че там, по кабинам шастаешь?

– Обижаешь, э, – оскорбился якутенок, – шайтана от ваших машин отгоняю, чтобы праздник вам не портил.

– Молодец, – похвалил Морозов. – Ты же местный, якутенок. Где здесь коттеджный поселок? Рядом с Болячкой должен быть, новый совсем…

– Не видал таких, – виновато сказал парень в жилете, – не бывал, не слыхал.

На крыльцо вышел Димыч, осмотрел присутствующих, задержался взглядом на бородатом водителе «Тойоты».

– Ишь ты, – хмыкнул он.

Отчего-то не нравился Коваржу этот Димыч. Странный, будто ненастоящий. Не верилось, что пару часов назад именно он разговаривал с Коваржем по рации, там был скорее простодушный весельчак, а тут… хитрый опасный лис.

– Димыч, – опомнился Морозов, – знаешь, где здесь коттеджный поселок?

– Знаю, – сразу отозвался Димыч. – А что такое?

– Семья вот молодая ищет, найти не может.

– Так там хитрость есть, – оживился Димыч, – надо секретную дорогу знать, чтобы попасть.

– Расскажете? – спросил у него бородатый парень.

– Лучше покажу! Все веселее, чем тут…

Димыч глянул на Коваржа.

– …киснуть. А парни меня потом заберут. Добро?

Он хлопнул Морозова по плечу.

– Добро, – вяло отозвался здоровяк. – Но за деньги.

Димыч хихикнул, предложил ехать сразу. Тут и девушка с мальчонкой вернулась, страшно обрадовалась хорошим но-

востям, поспешила вернуться в машину, помогла мальчонке забраться на заднее сиденье. Димыч наблюдал за ними с каким-то священным трепетом, приоткрыв рот. Зачем-то подмигнул мальчонке, а тот совсем смутился, спрятался за мамой.

– Спасибо вам, мужики! – сказал на прощание бородатый парень. – Хорошо отметить. И это…

– Ни гвоздя ни жезла? – подсказал Морозов.

– Да, – улыбнулся парень. – Еще раз спасибо.

У Коваржа засосало под ложечкой. Он глядел, как в машину забирается странный Димыч, и страшно захотелось забрать девушку, забрать мальчонку, посадить их к себе, отвезти в тот поселок. А странного Димыча запереть в машине, заварить двери, саму машину утопить в реке или в яме похоронить, как у Стивена Кинга…

– Уехали, – проводил «Тойоту» взглядом Морозов.

– Неправильно это все, – сказал Коварж.

– Ревнуешь, что ли? Брось. Пошли внутрь, коньяк ждет. Якутенок! Ты с нами? Харэ булки морозить!

Якутенок обещал подойти через пять минут.

– Слушай, – вспомнил вдруг Коварж. – А кто за Димычем поедет? У него вообще есть наши телефоны?

– Есть, – отрезал Морозов. – Мальчик большой, не пропадет.

И потерял всякий интерес к Димычу, словно того и не существовало.

В уютном кафе непутевый Шурик пытался вырваться из лап доблестной милиции и плена телевизионных помех, некрасивая Ирка клевала носом за стойкой, в зале допивали бутылку хозяин Олег и совсем осоловевший Рыков. В углу бубнила магнитола, играл там, как ни странно, все еще Високосный год, но теперь Коваржу слышались совсем другие слова.

«Темный мрачный бес… моей души…»

– А где у вас, кстати, коллекция компакт-дисков? – осмотрелся он. – Большая такая была…

– Выкинули, – пробурчал хозяин. – Только место занимали… хлам.

– Зря, – честно сказал Коварж. – Плюс двести к уюту добавляли.

– Да хоть триста. Все одно мусор, нельзя его копить, иначе сам станешь мусором. Ирка!

– Тут я! – отозвалась жена. – Не ори!

– Принеси выпить еще!

– Три часа еще до Нового года, нажретесь же!

– Мы до Нового года три раза протрезветь успеем, неси уже…

Коварж вспомнил про свой трофейный пузырь. Достал из пакета, предложил распечатать.

– Хороша, – крякнул Морозов, когда выпили по одной. – Прямо ух! Кишками чувствую, как через организм прошла! Блин, где часы мои? В машине, чо ли, оставил…

Рыков выпил и крякнул, а Морозов, разлив еще, подмигнул Коваржу.

– Такими темпами захочется с ведуньей Зинаидой тесное знакомство заиметь…

Коварж только фыркнул.

– Слухай, Радька, а чего она тебе там наговорила-то, что ты киснешь весь вечер?

– Мороз, смени пластинку, – велел Коварж.

– Да не, серьезно! Скажи, старик? Я ведь тоже плядун… ха, плядун говорю! Ведун! Если она тя заколдовала, то я расколдую…

– Она днем за городом на остановке голосовала, – нехотя вспомнил Коварж. – Думал дело доброе сделать перед праздником. Остановился…

Он замолк, увидев, что к ним подсаживается некрасивая Ирка.

– Ну и че, и че? – потребовал продолжения Морозов.

– Ну и все. Остановился, сказал, куда еду. Обещал бесплатно до города довезти. Как джентльмен, руку подал из кабины, чтобы забралась… та, как руку взяла, побелела, испугалась чего-то, не поеду, грит, с тобой, ты до Нового года, грит, не доживешь, а я с тобой не хочу помирать…

Коварж прервался, опрокинул в себя очередную стопку. Закусил не спеша. Надеялся, что публика захочет сменить тему. Зря надеялся. Все сидели с открытыми ртами, даже задремавший Рыков подался вперед.

– Я, значит, засмеялся, – нехотя продолжил Коварж. – Спрашиваю, ей-то откуда знать, уже и тронул машину с места, а она давай муть нести про то, что ведунья и все-то знает и чувствует, на ходу выскочила и деру от меня…

– Да-а-а, – протянул хозяин Олег. – Дела-а-а…

– Да брехня, – отозвался Морозов. – Просто не понравился ты Зинаиде или того… увидела своими чакрами, как ты ее в спальнике заднепроходной магией заряжаешь, вот и дернула…

Ирка недовольно шикнула на Морозова, а хозяин Олег загоготал.

– Вот не смешно, – обиделся Коварж, – вас бы так же загодя к смерти приговорили, вот бы весело было…

– Еще раз говорю тебе, что брехня, – упрямо повторил Морозов. – Просто ехать не захотела…

– Да почему же брехня, – удивилась некрасивая Ирка, – у нас вот в деревне жила бабка слепая, до кого дотронется, всю жизнь его потом пересказать может. У нее даже имя было Пророчиха. Могла и смерть предсказать, просто за руку подержав.

– Таки смерть? – усмехнулся Коварж. – В подробностях?

– Без подробностей, просто говорила человеку, что вот через месяц у него одна темнота… ни света, ничего. А человек и вправду через месяц погибал. От болезни, от драки, на войне в Чечне…

– И никак нельзя эту смерть было обмануть? – оживился

Морозов.

– Обмануть? Смерть? – Ирка задумалась, пожала плечами. – Может, другого кого подсунуть…

Закончить она не успела. Хлопнула дверь, в зал влетел якутенок.

– На улице… там… я… не хотел, но… такого не может… я…

Глаза у якутенка были по пять копеек, зубы выстукивали морзянку.

– Чего там на улице? – нахмурился хозяин Олег. – Случилось что-то?

– Сами… вам надо… смотреть самим… – продолжал нести околесицу якутенок. – Не знаю… сказать как, не знаю…

Из несвязного рассказа стало понятно, что с фурами чего-то не то. Испуганному парню дали выпить, но связности в его словах не добавилось. Все, кто был в кафе, высыпали на крыльцо.

– Там, – показал якутенок в сторону грузовика «рено».

– Что там? – разозлился хозяин Олег. – Призрак? Мертвец? Демон? Дед Мороз без трусов? Кто напугал тебя? Скажи уже внятно, балбес…

Якутенок развел руками, показал что-то длинное, широкое.

– Слова не… не знаю на вашем. Но страшное… беда…

Морозов тихо выругался. Хозяин Олег велел жене прине-

сти с кухни обрез.

– Чья реноха-то? – спросил Олег. – Твоя, Рыков?

– Не, – отозвался тот. – Димыча или как там его…

Все вместе спустились с крыльца. Вместе же пересекли маленький дворик. Впереди шел хозяин с обрезом. За ним якутенок, дальше троица дальнобоев, замыкала Ирка. Боковым зрением Коварж уловил движение на крыльце. Никак плюгавая Зинаида тоже решила выглянуть на праздник?

– С разных сторон заходим, – велел хозяин Олег. – Я со своими слева, парни справа.

Никто на них из темноты не напал, даже не попугал. Никак привиделось парню страшное? Но простые шорохи и тени так не пугают…

– Какого хера будка у ренохи открытая? – спросил хозяин у якутенка. – Ты опять рылся в чужом? Я же предупреждал…

– Э, – вскинулся Морозов, – в каком смысле рылся? Воровством занимае…

Якутенок вскрикнул, увидев что-то в будке, попятился. Морозов схватил его за руку, остановил. Хозяин Олег достал старенький телефон, включил фонарик. Присвистнул.

– Я один это вижу?

– Нет, – ответил Коварж, чувствуя, как в животе бунтует кишечник, – я тоже… вижу.

Посреди будки стоял гроб. Большой, высокий, из черного дерева. В таком не человека, в таком медведя хоронить надо…

– Гроб и гроб, – хмыкнул пьяный Морозов. – Хули от этого орать? А, якутенок?

Парень в жилете дернулся, но Морозов держал крепко, не отпустил.

– Я уходил, он закрытый был, – пробормотал якутенок. – А сейчас открытый…

– Сука-а-а, – протянул Рыков.

– Делать-то что с ним? – запричитала Ирка. – Что делать-то?

– Не истери, – успокоил ее хозяин Олег. – Может, гробешник пустой. Проверим. Вместе. Это… парни…

– Радик, – напомнил свое имя Коварж.

– Радик, Мороз, надо лезть. Иначе что мы тут с ним…

Ирка не унималась:

– Может, хозяина подождать? Сам все объяснит, расскажет все. Может, это памятник или мощи…

– Фуещи, – передразнил Морозов. – Памятники сами себя не открывают. Пошли уже, а то как девки…

Забрались в будку, где пахло противно. Шерстью мокрой, гнилыми овощами, еще чем-то металлическим.

– Свети, – велел хозяин Олег Коваржу, передал телефон.

Сам, выставив перед собой обрез, медленно двинулся вперед.

– Ну? – не успокаивалась Ирка. – Чего там? Кто там? Пусто?

Рыков, какой-то ко всему равнодушный, держал якутен-

ка. Сам якутенок напоминал лунатика. Глаза закрыты, рот открыт. Хоть священника вызывай…

– Не тряси фонариком, – прошептал хозяин Олег, словно боялся кого-то разбудить. – Свети нормально.

Коварж посветил вперед. И ахнул.

В гробу лежал Димыч. Тот самый, что полчаса назад уехал на «Тойоте». Тот самый, что стоял с ними на крыльце, пил коньяк и говорил неудачные тосты.

Тот самый, только…

– …мертвый, – выдохнул Морозов.

Снаружи закричала Ирка, взвизгнув, начал вырываться якутенок. Ударил Рыкова, рванул в сторону кафе, но споткнулся, растянулся на земле. Морозов и Коварж одновременно сиганули из будки, столкнулись, тоже упали на землю.

– Ах ты, жопа, Новый год, – простонал Морозов, поднимаясь, – кажись, ногу подвернул… стоп! Якутенок!

Парень в жилете хотел дать деру, но здоровяк оказался проворнее. Схватил якутенка за шиворот, тряхнул с такой силой, что у того шея хрустнула.

– Якутенок, а якутенок! – прорычал Морозов. – Тебе кто разрешал лезть ко мне в кабину?

Он поднял с земли старенькие часы. Пошарил по карманам оранжевой жилетки. Нашел кольцо, пачку денег и дешевые старые очки, те самые, которые лежали в машине у Коваржа.

– Ах ты, сучий якутенок! – выругался Морозов, бросил на

землю и часы, и кольцо, и все остальное. – Ты знаешь, что перед армией эти часы мне отец дал? Последний, сука, от него подарок! А ты их, мразота, упереть хотел…

Что-то неладное творилось с Морозовым. Никогда не видел Коварж здоровяка таким злым, бесконтрольным и… опасным.

– Мороз, не придуши парня, отпусти.

Но здоровяк не услышал. Рявкнул:

– Часы! Подарок! От бати! Тварь! Тварь! ТВАРЬ!

И сломал шею бедному якутенку.

Коваржа словно в ледяную прорубь окунули. Где-то далеко заверещала Ирка, зло и громко выругался хозяин Олег, завыла сигнализация в чьей-то машине, что-то кричал, кого-то звал Рыков, страх, как яд, убил все мысли, вымарал все планы спасения, отступления, а потом…

А потом Морозов обратил внимание на них.

– Убью, – прохрипел он и ринулся вперед.

Грянул выстрел. Коварж, оглушенный, отпрянул в сторону, споткнулся обо что-то, упал. Морозов, вопя от боли, рванулся в сторону стрелявшего Олега.

– Нет! – завопила Ирка. – Олег! Прячься! Скорее! Оле-е-е-…

Но хозяин не успел спрятаться, не успел перезарядить, вообще ничего не успел. Морозов сбил его и принялся топтать.

И снова все потонуло в криках, визге, хрусте костей. Свихнувшийся здоровяк, казалось, не успокоился, пока не сломал

все кости хозяину. Устало вздохнув, прислонился к колесу КамАЗа.

– Вот же глядь, ранили…

Стараясь не шуметь, Коварж поднялся, начал отступать к «Теремку».

Некрасивая Ирка опередила его, сиганула на крыльцо.

– Что вы встали! – рыдая, закричала она застывшей в дверях ведунье. – Звоните в скорую! Звоните! Он их убил! Уби-и-ил!

Оттолкнув ведунью, залетела внутрь, хлопнула дверью.

– Радька, – пробормотал едва живой Морозов.

Он сполз на землю, обеими руками зажимая правый бок. По снегу растекалось темное пятно. Все же достал его хозяин…

– Радька, – повторил Морозов, – это не я… это он…

Показал пальцем в сторону «рено», в сторону будки, где стоял большой гроб, где лежал мертвый дальнобой.

Коварж боялся приближаться к умирающему Морозову.

– Что… это, он, что… – слова давались с трудом, мысли распадались на атомы. – Как это оно с тобой… сделало?

Здоровяк завалился на бок и затих. Позади него, в сугробе, кто-то шевельнулся.

– Рыков, – прохрипел Коварж, – телефон есть? Звони в скорую, ментам звони…

– Нахер иди, – бросил Рыков, – я уматываю.

С завидной скоростью забрался в свой КамАЗ, запустил

двигатель.

– Что там? – окликнули Коваржа со спины.

– А?

Он обернулся, увидел ведунью. Та, бледная, стояла в пяти шагах.

– Что в будке?

– Гроб.

– А в гробу? Кто?

– Дальнобой. Дима. Димыч…

КамАЗ Рыкова рванул с места, чуть не сбил ведунью. Та в последний миг отскочила, даже не посмотрела на грузовик.

– Что за гроб? – спросила она у Коваржа.

Вот так просто, словно не было рядом трех мертвых людей, словно час назад она не просила держаться от нее подальше.

– Мне надо посмотреть, – сказала ведунья. – Возьмите… что там, обрез?

– Надо скорую вызывать, полицию, – запротестовал Коварж. – Люди погибли.

– Связи нет, – отрезала ведунья. – Мертвым плевать, кого ты там вызовешь. А живым еще можно помочь.

– Чего?

Ведунья достала из кармана пуховика телефон, включила фонарик.

– Ты со мной или к трупам желаешь присоединиться?

От такой дерзости Коварж на секунду растерялся. Прово-

дил ведунью взглядом. Опомнился, подобрал чудом уцелевший обрез. В глаза мертвому хозяину старался не смотреть. Но не удержался, покосился. И понял, что глаз у бедного хозяина не осталось.

– Мне кажется… это, кажется, плохая идея… – начал он, глядя, как ведунья забирается в будку.

– Все плохое, что могло, уже произошло, – горько усмехнулась ведунья.

И исчезла в чреве будки.

Коварж сжал зубы, до хруста, до боли в деснах. Запоздало вспомнил, что обрез разряжен, а возвращаться за патронами к мертвому хозяину не хотелось. Хотелось, как Рыков, заскочить к себе в КамАЗ и свалить…

В будке послышался стук, изумленный возглас.

– Эй? – позвал Коварж. – Что там?

Мысленно отругал себя за глупый вопрос.

– А сами как думаете? – съязвила ведунья. – Вы забирайтесь, тут вас никто… уже никто не тронет.

Коварж заглянул в будку. В темноте едва различил маленький силуэт, открытый гроб. Носом уловил запах гнили.

– Мы увидели там того… водителя. Побежали все…

– Испугались, – добавила ведунья. – Как дети.

– Прекрати, – разозлился Коварж, – мы побежали, а Морозыч вдруг как с цепи, увидел, что якутенок по кабинам рылся, шею ему сломал, потом на хозяина, даже рана его не остановила… сначала, а потом успокоился, но поздно… ска-

зал, что этот его, из будки, но я ничего не понимаю…

Голос его предательски дрогнул. Навалилось ощущение безысходности, страх, усталость, все вместе давило на виски, шею, скручивало внутренности.

– Я, наверное, тоже поеду, – сказал он, – за помощью. Мертвых только надо в тепло…

– Коварж, – обратилась к нему ведунья. – Ты веришь в Деда Мороза?

– Чего? – не сразу понял он. – В деда…

– В Деда Мороза. Раздает подарки хорошим детям. Господи, Коварж, ну не тупи ты, как ребенок. Веришь?

– Не верю!

– А в плохого Деда Мороза?

– Какого?

– Такого. Плохой волшебник. И подарки раздает плохие.

Нехорошая догадка шевельнулась в голове.

– Вы хотите сказать…

– Хочу. И скажу. Этот Димыч что-то вам говорил? Трогал вас?

– Не помню…

– Вспоминай.

На стоянке шумел ветер, гонял под ногами ледяные крупицы, чего-то нашептывал. И казалось, что мертвые просто спят, вот-вот они встанут и отправятся в кафе, снова пить, снова кутить и встречать Новый…

– Тронул! – вспомнил Коварж. – Вспомнил! Он тронул…

и сказал… сказал, что… не… бляха, как же сказал… ну… сказал, не доживешь до Нового года. Бляха…

Ведунья молчала. Смотрела на него, как на приговоренного.

– Бред какой-то, – тихо сказал Коварж. – Херня.

– Открой свою будку.

– Зачем? Думаешь, что и у меня…

– Открой.

– Ты мне скажи, какого черта…

– Откроешь, скажу. Ну? Хочешь жить?

Он чертыхнулся, но подчинился. Сознание, все мысли каким-то чудом балансировали на грани здравого смысла, он пытался найти всему происходящему рациональное объяснение. Но какое-то непонятное чувство, древнее, как мир, подсказывало, что все происходящее уже давно находится за гранью нормальной, объяснимой физическими законами, реальности.

И ведунья, проклятая девчонка, будто бы сама была из другой реальности, другого мира, где другие законы. Потому-то он и подчинился ей, в надежде, что она все объяснит и поможет выбраться из дерьма, в которое превратился этот еще не наступивший Новый год.

– Вот, – Коварж распахнул будку. – Видишь, кондеи. Нет у меня гробов. И мертвецов нет…

– Не радуйся этому, – сказала ведунья, глянула на мертвого здоровяка. – Этот, как его, Морозов, ему ваш Димыч

что-то говорил? Трогал?

– Трогал, – на удивление быстро вспомнил Коварж.

Потому что Димыч так же быстро вызвал у него неприязнь.

– А что сказал?

– Э-э-э, про злость чего-то. Эмоции. Кажется, разозлишься – пожалеешь. Это он что, он так…

– Подарками вас наградил.

– Твою мать, – выдохнул Коварж, – получается…

– Получается, – кивнула ведунья. – Не доживешь до полуночи.

Мысль эта не сразу сформировалась в голове, смысл фразы ускользал от Коваржа. Он заметил под ногами старенькие часы, те самые, что Морозову подарил отец, поднял. Без двадцати одиннадцать.

– Сука, – простонал он, – это все из-за тебя, из-за тебя…

Ведунья среагировала быстрее, чем он успел поднять обрез. С завидной силой толкнула его в грудь, повалила. Схватила оружие, прицелилась.

– Он не заряжен, – пробормотал Коварж.

– Но голову легко пробьет.

– Попробуй, рискни, – пропыхтел Коварж и получил прикладом по животу.

Он охнул от боли. Застонал.

– Куда этот ваш Димыч свалил? – нависла над ним ведунья. – Ну!

– С семьей какой-то на машине… обещал дорогу показать…

– Куда? Знаешь?

– Я… примерно… да, наверное. Знаю. Там поселок рядом с деревней.

– Заводи машину, надо успеть до полуночи.

– А если нет?

Ведунья, глядя ему в глаза, нажала на курок. Послышался щелчок. И был он страшнее, чем хруст костей, чем визг тормозов, чем смерть близких и боль, которая много лет его не покидала…

– Стой, – скомандовала ведунья. – Хозяйку заберем. Не оставлять же одну…

Побежала в кафе, Коварж даже ничего ответить не успел. Показалось, что за спиной шевельнулся кто-то.

– Морозыч…

Тот лежал в луже крови. Мертвее всех мертвых. Коварж не выдержал, выблевал свой ужин. Вытер губы, взял снега, растер его по лицу.

– Морозыч… ты меня… того… да сука…

Не за что было извиняться ему перед другом, не мог он найти слов, чтобы сказать хорошее. Пробормотал:

– Я найду его, обещаю. Кости переломаю. Задавлю суку.

– Сначала найди, – прервала его жалкую панихиду ведунья, которая вернулась почему-то одна.

– Хозяйка не поедет? Где она?

Ведунья поджала губы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.